

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра русского языка

Гамирова Диана Рамиловна

Частица «ти» в древнерусских текстах разных жанров

Выпускная квалификационная работа

на соискание степени магистра лингвистики

Научный руководитель:

д.ф.н., проф. Попов Михаил Борисович

Рецензент:

д.ф.н., в. н. с. ИЛИ РАН Круглов Василий

Михайлович

Санкт-Петербург,

2017 год

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Общая характеристика грамматических категорий.....	10
1. Энклитики.....	-
1.1. Терминология.....	-
1.2. Принципы расположения энклитик во фразе. Закон Вакернагеля.....	11
2. Личные местоимения. Дательный падеж личных местоимений.....	12
2.1. Специфика семантики местоимений.....	-
2.2. Формы Дательного падежа личных местоимений.....	13
2.3. Значения дательного падежа в старославянском и древнерусском языках.....	15
2.4. <i>Dativus ethicus</i>	26
3. Частицы.....	30
3.1. Особенности семантики частиц.....	-
3.2. Частицы в древнерусском языке. Частица « <i>ти</i> ».....	34
4. Союз « <i>ти</i> ».....	38
Глава II. Омонимы «ти» в древнерусских текстах разных жанров.....	40
1. Житие Феодосия Печерского по Успенскому сборнику.....	-
1.1. Дательный падеж местоимения « <i>ты</i> ».....	41
1.2. Союз « <i>ти</i> ».....	45
1.3. Частица « <i>ти</i> ».....	52
1.4. Указательное местоимение « <i>тъ/тотъ</i> ».....	54
2. Новгородская I летопись по Синодальному списку.....	56
2.1. Дательный падеж местоимения « <i>ты</i> ».....	57
2.2. Союз « <i>ти</i> ».....	62
2.3. Частица « <i>ти</i> ».....	63
2.4. Указательное местоимение « <i>тъ/тотъ</i> ».....	64
3. Древненовгородские берестяные грамоты.....	65

Заключение.....	70
Список источников.....	72
Список сокращений.....	74
Список литературы.....	75
Справочная литература.....	79

Введение

Настоящее исследование посвящено употреблению в разных по жанру и диалектной принадлежности древнерусских текстах формы «*ти*». Принимая во внимание материал Словаря русского языка XI–XVII вв., мы предполагаем, что «*ти*» в данных текстах может выступать как:

- форма личного местоимения 2 л. ед. ч. «*ты*»;
- форма Им. п. ед. ч. муж. р. указательного местоимения «*тъ/тотъ*»;
- сочинительный союз;
- усилительная частица.

Тема нашего исследования обусловлена интересом к энклитикам в древнерусском языке, во многом обязанном появлению книги А.А. Зализняка «Древнерусские энклитики»¹. Во введении к монографии Зализняк отмечает, что ранее отдельных трудов, посвященных изучению энклитик именно в древнерусском языке, создано не было. Вместе с тем, материал берестяных грамот как текстов, наиболее приближенных к живой разговорной речи, позволяет нам по-новому взглянуть на их историю в русском языке.

¹ Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Наше внимание привлекла энклитика «*ти*», которая может быть частицей либо местоимением «ты» в Дательном падеже, а также имеет омонимы, не являющиеся энклитиками (союз и форма указательного местоимения «*ть/тоть*»). Трактовка того, какой именно из омонимичных словоформ является «*ти*» в том или ином контексте, бывает затруднительна; подтверждением тому служат комментарии А.А. Зализняка в «Словоуказателе к берестяным грамотам» в книге «Древненовгородский диалект». Гипотеза исследования состоит в том, что в текстах других жанров также будут встречаться такие спорные контексты.

Мы полагаем, что было бы интересно проследить, с одной стороны, насколько в разных текстах сохраняются энклитики «*ти*» и соответствует ли их употребление закону Вакернагеля. С другой стороны, выяснить, есть ли закономерности в употреблении тех или иных омонимичных форм, и сделать предположения об их грамматическом статусе в спорных случаях.

Итак, **объект** нашего исследования – употребление омонимичных форм «*ти*» в древнерусских текстах разных жанров.

Предмет – омонимы «*ти*», которые могут относиться к разным частям речи.

Материалом являются древнерусские тексты XI–XIV вв. Они были отобраны таким образом, чтобы в какой-то степени представлять территориальное и жанровое разнообразие древнерусского языка. Для анализа были выбраны:

1. Житие Феодосия Печерского по Успенскому сборнику XII—XIII вв. и его перевод, выполненный О. В. Твороговым².
2. Новгородская I летопись по Синодальному списку³.

² Житие Феодосия Печерского / Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4872>

³ Новгородская летопись по Синодальному хартейному списку. СПб., 1888.

3. Древненовгородские берестяные грамоты⁴.

Цель исследования – выявить особенности и отличия в функционировании омонимичных форм «*ти*» в различных контекстах.

В рамках данной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) сделать обзор научной литературы по данной теме, чтобы выявить основные проблемы изучения энклитик «*ти*» в древнерусском языке;
- 2) произвести выборку слов «*ти*» из указанных текстов;
- 3) проследить, насколько употребление энклитик соответствует закону Вакернагеля;
- 4) проанализировать контексты с точки зрения особенностей употребления в них «*ти*»;
- 5) сделать предположения о частеречной принадлежности «*ти*» в том или ином случае.

Выводы, которые получены в результате исследования, могут быть интересны с теоретической точки зрения как сведения об употреблении энклитик в текстах разных жанров. Также они могут быть учтены при комментированном чтении и переводе древнерусских текстов.

Структура работы: диссертация состоит из введения, теоретической и практической глав, заключения, списка источников и сокращений, научной и справочной литературы.

Общая характеристика исследуемых памятников

1. Житие Феодосия Печерского

⁴ Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru/>

Житие Феодосия Печерского анализируется нами по списку, входящему в состав Успенского сборника 12-13 вв. с дополнениями и исправлениями по Киево-Печерскому Патерику. Житие представляет собой памятник книжной древнерусской традиции и является одним из старейших оригинальных житий святых, написанным на территории Древней Руси⁵. Автором памятника является монах Киево-Печерского монастыря Нестор, который, как свидетельствует он сам, жил в монастыре позже кончины игумена Феодосия и писал его житие по воспоминаниям других монахов:

Се же житие блаженааго отьца нашего Феодосия отъ уны вѣрсты до сде, дондеже прииде въ пещеру, мати же его съповѣда единому от братия, именьмъ Феодору, иже бѣ келарь при отьци нашемъ Феодосии. Азь же от него вся си слышавъ, оному съповѣдающую ми, и въписахъ на память всѣмъ почитающимъ я. Обаче и на прочее съказание отрока исправления поиду, съврѣшение же глаголь ми укажетсяя благоисправляющую Богу и словослову.

Житие написано Нестором в 80-х гг. XI в. и имеет каноническую структуру, сложившуюся в византийской агиографии: предисловие писца, описание детства святого, в котором он уже отличался от своих сверстников, его решение посвятить себя Богу, испытания, принятие монашества, устройство монастыря и руководство им, чудеса, сотворенные святым, его смерть, также сопровождающаяся чудесами:

Братии же врата затворившемъ и никогоже пустящемъ по повѣлению блаженааго, и бѣша присѣдающе надъ нимъ и ожидающе,

⁵ Еремин И.П. Литература Древней Руси. М., 1966. С. 28.

донъдеже разидуться людие, и тако того погребуть, якоже самъ повелѣ. Бѣша же и боляре мнози пришъли, и ти прѣдъ враты стояще. И се по съмотрению Божию пооблачилося небо, и съниде дъждь. То же ти тако разбѣгошася. И абие пакы дъждь прѣста и сълнце въсия. И тако того несъше въ прѣжереченую пещеру, положиша ѳ, и запечатльвъше и отъидоша, и без брашна весь днь прѣбыша.

Как отмечает И.П. Еремин, образцовым произведением для Нестора послужило житие Саввы Освященного, написанное византийским писателем Кириллом Скифопольским (VI в.), которое во времена Нестора уже бытовало на Руси в славянском переводе.

Таким образом, этот памятник является, во-первых, произведением книжного характера – по своему жанру и языку. В исследовании Д.А. Анисимовой отмечается, что на уровне грамматики «язык памятника отвечает строгой норме церковнославянского языка по всем её критериям»⁶. Во-вторых, по месту происхождения житие может быть отнесено к южным памятникам Древней Руси. На его грамматические и фонетические южнорусские черты указывает И.В. Ягич⁷, В.Г. Демьянов⁸ и др. Конечно же, в силу достаточно строгого соответствия книжным нормам количество диалектных черт в памятнике невелико.

2. Новгородская I летопись по Синодальному списку

Новгородская I летопись, самая древняя летопись Новгородской республики, представлена двумя изводами – старшим и младшим. Для

⁶ Анисимова Д.А. Житие Феодосия Печерского (проблема нормы): автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2016. URL: <https://old.mgpu.ru/materials/53/53398.pdf>

⁷ Ягич И.В. Отчет о присуждении Ломоносовской премии за 1883 год с приложением, составленный И. В. Ягичем. С тремя литограф. таблицами // Сборник ОРЯС ИАН. 1884. Т. 33. № 2. С. 94.

⁸ Демьянов В.Г. О явлениях имперфекта, дифференцирующих древнерусские тексты по происхождению. // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/lingistoch/1974/04-demjanov.pdf>

анализа нами был выбран единственный список старшего извода – Синодальный. Уточненная датировка текста, которую предложили в результате текстологического анализа текста Т.В. Гимон и А.А. Гиппиус, – вторая половина 13 – 14 вв.⁹

Язык летописи представляет собой сложное явление как с точки зрения фонетических, грамматических и лексических средств языка (диалектная принадлежность), так и с точки зрения принадлежности его средств к книжному либо разговорному «стилю» и жанровой принадлежности. Долгая традиция изучения летописного текста показывает, что во всех случаях летопись имеет характер «смешанный». В.М. Живов, изучая основные регистры книжного языка и говоря о соотношении книжных и народных элементов в языке летописи охарактеризовал этот язык как «гибридный»: «И та, и другая основа может быть выделена в качестве частного момента, но лишь их совокупность и взаимодействие обеспечивают функционирование данной разновидности. В этой связи как раз и представляется целесообразным именовать данный регистр книжного языка гибридным»¹⁰.

Также в летописи мы встречаем разные по жанру части, которые могут быть житием святого, воинской повестью, поучением, собственно погодной записью и др. Эти части, в отдельности могущие представлять собой произведения разной жанровой принадлежности, оказываются объединены общей тематикой, задачей летописного повествования.

Чтобы охарактеризовать отражение диалектных черт в Новгородской I летописи, обратимся к книге А.А. Зализняка «Древненовгородский диалект». Как известно, летопись была написана на территории распространения северо-западного диалекта. В части, посвященной источникам для исследования, Зализняк относит летопись к числу косвенных источников для

⁹Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 7(17). СПб., 1999. С. 18—47. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2015/12/Gimon_T_V_17.pdf

¹⁰В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 33

древненовгородского диалекта. Исследователь характеризует язык летописи как ориентированный на церковно-славянские нормы с различной долей (в зависимости от работы того или иного летописца) употребления новгородизмов¹¹.

3. Новгородские берестяные грамоты

Третий тип источника, выбранный нами для анализа, противопоставлен предыдущим двум прежде всего по характеру речи: если житие и летопись представляют собой памятники книжные, то берестяные грамоты отличаются максимальной близостью к разговорной речи.

С точки зрения принадлежности к древненовгородскому диалекту грамоты противопоставляются условно «южному» житию Феодосия Печерского и схожи с Новгородской I летописью, но, по сравнению с последней, имеют гораздо более выраженные диалектные черты и в целом являются основным источником сведений о фонетике и грамматике диалекта.

Так, грамоты позволяют узнать об употреблении энклитик в живом языке изучаемого периода. В то время как житие и летопись дают представление о книжной и, как следствие, более архаичной системе их употребления.

Тексты берестяных грамот анализируются выборочно – были использованы только те примеры, в которых для энклитик и омонимов «*ти*» есть достаточно широкий контекст (текст не обрывается) и для которых А.А. Зализняк приводит свою интерпретацию (перевод).

¹¹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 12.

Глава I

Характеристика грамматических категорий

1. Энклитики.

1.1. Терминология

Для того, чтобы изучать функционирование слова «*ти*» в древнерусских текстах нам необходимо обратиться к монографии А.А. Зализняка «Древнерусские энклитики»¹², на которую мы уже ссылались во Введении к нашей работе. Так как указанная монография обобщила предыдущие труды по данной теме и, вне всяких сомнений, дала (на новом языковом материале)

¹² Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

ценнейшие теоретические основания для последующих исследований, отсылки к этой монографии и связанным с ней наблюдениями из «Древненовгородского диалекта»¹³, сделанными А.А. Зализняком, кажутся нам необходимой и достаточной основой для нашей работы.

Говоря о просодических особенностях древнерусского предложения, необходимо говорить о том, что с просодической точки зрения предложение распадается на тактовые группы.

Тактовая группа – отдельная словоформа или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении.

Словоформы, в свою очередь, могут быть акцентно самостоятельные – способные составить отдельную тактовую группу; и клитики – объединяющиеся в одну тактовую группу с предшествующей (энклитики) или последующей (проклитики) словоформой. Таким образом, проклитика не может занимать место в конце фразы, а энклитика – в ее начале.

Проклитиками является большая часть союзов и предлогов, некоторые частицы. Энклитики же – большинство частиц, некоторые формы местоимений (*ми, ти, си* и др.) и связки (*есмь, еси* и др.).

Таким образом, среди омонимов слова «*ти*» в нашем материале мы имеем дело с проклитиками («*ти*» как союз), энклитиками («*ти*» как частица и Д.п. личного местоимения) и акцентно самостоятельными словами («*ти*» как форма местоимения «*тъ/тотъ*»).

1.2. Принципы расположения энклитик во фразе.

Закон Вакернагеля

¹³ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

В древнерусском языке, как и в других индоевропейских языках, работал закон Вакернагеля – закон расположения энклитик, относящихся к сказуемому. Закон гласит, что «все такие энклитики входят в состав первой тактовой группы клаузы»¹⁴, где клаузой «называется любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола — связка или грамматический элемент, играющий роль связки»¹⁵. Таким образом, между сказуемым и энклитикой, к нему относящейся, не может стоять другая акцентно самостоятельная словоформа.

В тех случаях, когда в предложении к одному сказуемому относится больше одной энклитики, они располагаются в определенном порядке, то есть имеют ранг:

2) *ли* (частица);

3) *бо* (частица);

4) *ти* (частица);

5) *бы*;

6) местоимения в дательном падеже — *ми, ти, си, ны, вы, на, ва*;

7) местоимения в винительном падеже — *ма, та, са, ны, вы, на, ва, и, ю, е, я*;

8) связки — основную группу здесь составляют связки 1-го и 2-го лица:

есмь (есми), еси, есмь (есме, есмо, есмы), есте, есвъ, еста [2 дв.];
дополнительную группу составляют связки 3-го лица: *есть, суть, еста* [3 дв.]¹⁶.

¹⁴ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008. С. 23.

¹⁵ Там же. С. 13.

¹⁶ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008. С. 28.

На более частные случаи употребления энклитик в древнерусском тексте мы будем ссылаться при необходимости во II главе нашей работы.

2. Личные местоимения. Дательный падеж личных местоимений

2.1. Специфика семантики местоимений

Приступая к изучению местоимений в том или ином тексте, мы должны помнить о тех особенностях, которые отличают местоимения от всех остальных частей речи. Отличительная черта местоимений как класса – это объединяющее их, разнородные по грамматическим признакам и форме, свойство быть дейктическими словами в предложении, при том дейксис их «совпадает во времени с моментом речи»¹⁷. Согласно формулировке Бенвениста, «эта отнесенность к моменту речи и придает указательному слову каждый раз единственный и неповторимый характер, заключающийся в единственности речевого акта, с которым указательное слово имеет референцию»¹⁸.

Таким образом, местоимения являются одним из средств актуализации предложения, что, вообще говоря, свойственно грамматическим категориям¹⁹. Парадоксальность функции местоимений в языке отмечает А.М. Пешковский: «Местоимения представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) имеют именно это

¹⁷ Бенвенист Э. Общая лингвистика. / под ред., с вступительной статьей и комментарием Ю.С. Степанова. М., 1974. С. 287.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Богданов С.И., Евтюхин В.Б., Князев Ю.П., Смирнов Ю.Б., Рыжова Ю.В., Воейкова М.Д. Морфология современного русского языка. Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2013. С. 248.

субъективно-объективное значение»²⁰, где под субъективно-объективным значением ученый понимает отношение мыслящего к тому, о чем он мыслит.

Эта «грамматичность» местоимений давала основание ученым относить их к классу служебных слов (Ф.И. Буслаев) или же определять им особое место, отдельное как от самостоятельных, так и от служебных частей речи (М.И. Стеблин-Каменский)²¹. Так или иначе, такая особенность местоимений, как способность актуализировать предложение, выражая отношение говорящего к высказыванию, сравнивая с грамматическими средствами (лицо, наклонение, время и др.), заставляет ученых рассматривать их особо и уделять им особое внимание при изучении коммуникативной и прагматической организации высказывания.

2.2. *Формы дательного падежа личных местоимений*

Одной из особенностей древнерусского языка является противопоставление в Дательном падеже полных (ортотонических, имеющих постоянное ударение) и кратких (клитических, не имеющих самостоятельного ударения) форм личных местоимений: *мнѣ* – *ми*, *тобѣ* – *ти*; *нама* – *на*, *вама* – *ва*; *намъ* – *ны*, *вамъ* – *вы*. Будучи полностью синонимичными, данные формы различались просодической и, как следствие, синтаксической позицией²². Ученые выделяют такие традиционные позиции для форм местоимений в Дат. пад.

1. Полные формы.

²⁰Пешковский А.М. «Русский синтаксис в научном освещении». М., 2001. С. 163.

²¹Богданов С.И., Евтюхин В.Б., Князев Ю.П., Смирнов Ю.Б., Рыжова Ю.В., Воейкова М.Д. Морфология современного русского языка. Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2013. С. 242 – 243.

²²Древнерусская грамматика XII – XIII вв. М., 1995. / Отв. ред. Иванов В.В. С. 336.

Употребление полных форм связывается с наличием логического выделения местоимения в предложении, которое охватывает следующие случаи:

- 1) позиция начала предложения: *тобѣ слоужать тысоущами горнии чинове*, СЯ, 89;
- 2) наличие противопоставления или сопоставления объекта: *тако и мнѣ бѣ испърва*, ЖФП, 44а;
- 3) наличие следующего за объектом поясняющего словосочетания: *даи [богъ] въсьмъ хръстяном и мнѣ хоудому наславоу*, ЕвМст (запись);
- 4) постановка управляемого слова (объекта) перед управляющим словом: *а въ немецкомъ дворѣ тобѣ торговати нашею братиєю*, Г, 1270.

С другой стороны, типичная позиция для клитик – после управляющего слова; в случае, если есть другие клитики, употребляется в соответствии со своим рангом:

- 1) Дательный объекта действия: *что ми велиши*, СБГ, 9в;
- 2) Дательный субъекта действия: *томоу ти веры не ати*, Г, 1270.
- 3) Дательный принадлежности: *прощение многихъ ми грѣховъ*, СЯ, 94;
- 4) в обороте «Дательный самостоятельный»: *молю сѧ господеву хоташу же ми исповѣдати начати*, ЖФП, 27а.

Действительное просодическое отличие между полными формами и клитиками исчезает в связи с изменением типа ударения в русском языке, и к 12 в., как полагают исследователи²³, порядок распределения между ними в

²³Сумникова Т.А. Местоимение / Древнерусская грамматика XII – XIII вв. М., 1995. / Отв. ред. Иванов В.В. С. 336.

предложении утрачивает свое прежнее значение и начинает меняться. Таким образом, уже в древнейших древнерусских памятниках мы можем увидеть колебания в употреблении полных местоимений и клитик: полные формы в некоторых случаях занимают позиции, ранее принадлежавшие клитикам. Например:

- 1) после управляющего слова: *даи же нам*, СЯ, 165б;
- 2) в сочетании с междометием: *оувы мнѣ отче*, СБГ, 9б;
- 3) в середине сложной глагольной формы: *имать намъ дати*, ЖФП, 53в.

Таким образом, полные формы Дательного падежа постепенно вытесняют краткие формы во всех характерных для них синтаксических позициях.

2.3. Значения дательного падежа в старославянском и древнерусском языках

Изучение хотя бы самой общей информации о возможных значениях Дательного падежа в древних текстах кажется нам необходимой в силу необходимости в дальнейшем разграничивать спорные случаи употребления слова «*ти*», которое может иметь разную частеречную принадлежность. Представление о возможных значениях Дательного падежа местоимения «*ти*», без сомнения, позволит избежать ошибок при интерпретации текста.

Исследование падежного синтаксиса в старославянском и древнерусском языках имеет долгую традицию. Не пытаясь охватить все замечания, сделанные по этому поводу, мы обратимся лишь к наиболее общим положениям, в которых согласны исследователи. В первую очередь мы обращаемся к тем работам, которые содержат наблюдения именно по древнерусскому материалу. К тому же, мы сосредоточимся на значениях

Дательного беспредложного, которым и будет являться энклитика «*ти*» в анализируемых нами текстах.

А.А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» определяет Дательный падеж как выражающий «название лица в его отношении ко всякому активному признаку (действию или состоянию), зародившемуся независимо от какого-либо производителя»²⁴.

В первую очередь, стоит отметить, что ученые отмечают наличие весьма широкого функционального диапазона у древнего славянского Дательного беспредложного – по сравнению с современными славянскими языками²⁵.

Достаточно полные наблюдения о значениях дательного в летописном тексте появляются уже у Е.Ф. Карского в работе «Труды по белорусскому и другим славянским языкам», в разделе «Синтаксис Лаврентьевской летописи»²⁶. Ученый приводит следующие наблюдения над употреблениями Дательного.

В первую очередь, Дательный падеж употребляется для обозначения лица или предмета, к которому направляется действие, выраженное глаголом – чаще всего, для обозначения предмета, в пользу или во вред которого совершается действие (в современной терминологии – бенефактив и малефактив): *дайте ми от двора по три голуби*, Лавр., 16 об.

Далее, к Дательному пользы или вреда примыкает Дательный объекта, обозначающий предмет/лицо, к которому направлено «известное душевное движение»: *нача еи негодовати*, Лавр., 99 об.

²⁴Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001. С. 334.

²⁵Мразек Р. Дательный падеж в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка / под. ред. И. Курца. Прага, 1963. С. 225.

²⁶Карский Е.Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 58 – 110.

Близким к рассматриваемым Дательным Карский называет и Дательный лица – участника или производителя в страдательном залоге (в современной терминологии значение субъекта состояния): *вниде Игорьъ в Кыевь и не годно бы(сть) людемъ*, Лавр, 104.

Также ученый выделяет обстоятельственные значения Дательного:

- дательный цели: *чему к намъ идеши* Лавр, 129, об.
- дательный, который обозначает предмет, в который или к которому происходит движение в пространстве, отвечает на вопрос «куда?»: *пусти дружину свою домови* Лавр, 14 об.

Отдельно, как характерную особенность древних славянских языков, отмечает Карский дательный принадлежности, который мог употребляться и при глаголах, и при именах: *домъ мои домъ молитвъ прозоветса всѣмъ языкомъ*, Лавр, 33 об.

Тем более важно обратить внимание на это значение, что оно не сохранилось в современном русском языке и может вызывать сложности в трактовке текста.

По поводу Дательного с притяжательным значением А. Вайан²⁷ предполагает его развитие в качестве заменителя родительного принадлежности. Исследователь отмечает, что в старославянском Дательный падеж принадлежности личного местоимения часто заменяет притяжательные местоимения: *сынъ твои* Иоанн XV, 51, Зогр., но *сынъ ти* Мар., Асс. (пар. 122).

Такой Дательный зачастую может быть связан в предложении одновременно и с именем существительным, и с глаголом: *рабъ есть грѣхоу* Иоанн VII, 34. У личных и анафорических местоимений Дательный падеж выступает сначала в факультативном соединении с глаголом: *другъ ми приде*

²⁷Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 158.

Лука, V, 6, а также весьма часто в обороте: *въложи на главѣ его* Матфей XXVII, 29. Но затем Дательный принадлежности начинает употребляться свободно от глагола: *лице отцю ми* Матфей XVIII, 10, Сав. кн. Вместо *отца моего* Мар. и др.; *въложи на ржкж си* Матфей IX, 18, Сав. кн. Вместо *ржкж твоѣ* Мар., Асс. <...> (с. 215-216).

О значении Дательного принадлежности, как основного значения Дательного приименного в противопоставлении Дательному приглагольному, говорит и К.И. Ходова. Она называет это значение основным значением приименного Дательного в старославянском языке²⁸. Так же, как и Вайан, Ходова отмечает в конструкциях приименного дательного оттенки, характерные для дательного при глаголах: значения адресата, предназначения, направления, цели.

Однако в качестве определителя субъекта, а также в целом ряде употреблений при зависимых именах существительных дательный падеж употребляется для передачи определительного и притяжательного значений, наравне с приименным родительным и притяжательными прилагательными²⁹.

Что касается синтаксической позиции такого Дательного, то он чаще находится в постпозиции по отношению к управляющему слову и, как правило, не имеет при себе определения – ср. примеры: *има емоу Воишелгъ*, Новг. I лет., *дондеже положю враги твои подъножью ногама моима*, Лавр. лет.³⁰

Процесс расширения функций дательного приименного при одновременном сужении функции родительного приименного в указанных значениях, по-разному проявлялся в конструкциях с именами существительными и в конструкциях с местоимениями в качестве

²⁸Ходова К.И. Система падежей старославянского языка. Москва, 1963. С. 136.

²⁹Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 2006. С. 431.

³⁰ Там же. С. 431.

определяющего члена. Так, в текстах восточноболгарского происхождения отмечается большое количество сочетаний с энклитическими формами личных местоимений, употребленных в дательном падеже. Например: *отрокъ ми лежить в храмѣнѣ*. Мат. VIII, 6, 15. (в Мар. и Зогр. *отрокъ мой*)

Учитывая все перечисленные замечания по поводу функционирования Дательного в истории старославянского и древнерусского языков, обратимся к классификации значений Дательного приглагольного, которая кажется нам наиболее полной. Классификация приводится по статье А.Б. Правдина³¹.

Дательный падеж при глаголе может иметь следующие функции:

А. Функция обстоятельства.

1) Обстоятельство места (направления)

- Дат. п. нарицательных неодушевленных имен существительных (названия неодушевленных предметов);

Пример: *долу очи имѣти, а [душою] горѣ*, Лавр., Поуч. Мон., л. 79.

- Дат. п. собственных неодушевленных имен существительных— названий городов (почти исключительно м. р.).

Пример: *прибѣгоша Берестию*, Б. и Г., л. 15 об.

Правдин различает две большие группы значений, который выражает дательный падеж направления:

5. Пункт, к которому направлялось движение, имевшее собой целью вхождение в пределы этого пункта = совр. русск. *Вин. п.* + «в»: *ехать в Ступино*.
6. «Пункт, к которому направлено движение, не заходящее в пределы этого пункта, целью которого является лишь достижение

³¹ Правдин А.Б. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Уч. зап. Института славяноведения. Том XIII. М., 1956. С. 3 – 120.

пространственной близости к обозначенному Дат. п. пункту = совр. русск. Дат. п. + «к»: *подъезжать к Москве*.

- Дат. п. имен существительных – названий лиц и относящихся к лицам местоимений (лицо, к которому направлено пространственное движение).

Пример: *се [цесарь] твои градеть тебѣ кротокъ* Мар., Ио. XVII, 11; *идохъ Переяславию [отъцю], а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю...* Лавр., Поуч. Мон., л. 81.

Важно для нас замечание Правдина о том, что к этим случаям употребления дательного можно отнести и такие контексты: *идет ти Володимеръ Галичьский* Ип. 1151; *идеть ти Дюрги* Ип. 1151 г., л. 171 об. Вместе с тем, исследователь видит возможность интерпретировать их и как *Dativus ethicus*.

Учитывая данные некоторых диалектов русского языка и других славянских языков, Правдин высказывает предположение о том, что дательный направления был в праславянском языке, но являлся лишь одним из возможных средств выражения цели пространственного движения (винительный; родительный + «до»). В древнерусской письменности он вытесняется сочетаниями «к + Дат. п.» и «в + Вин. п.» в течение XIII века и в более поздних текстах, особенно с конца XV в., встречается крайне редко.

2) Обстоятельство цели и причины.

- Дат. п. цели имен существительных – названий действий и состояний.

Пример: *моляшеся богови съ слезами даровати ему время покаянию* К.-П. пат., л. 180, об.; *живы бо не себѣ нѣ [христову] проповѣданию* Гр. Б., л. 198-в.

- Дат. п. местоимений *что, то, се*.

Формы *чему, тому, сему* адвербиализируются, становясь наречиями причины и цели.

Пример: *чему еси слѣпиль братъ свои?* Лавр., 1097 г.; *бы(сть) знамение в лунѣ страшно и дивно... сему же рекоша старии людие: не [благо] есть сяково знамение* Ип. 1161 г., л. 184 об.

Употребление дательного цели и причины характерно для древнерусских текстов до XV в., когда он, по-видимому, утрачивается и заменяется другими грамматическими конструкциями (например, «въ, на + Вин. п.»).

Б. Функция дополнения.

Синтаксическая функция дополнения – самая характерная функция дательного падежа для старославянского и древнерусского языков, единственная функция дательного приглагольного в современном русском языке.

1) Дат. п. при переходных глаголах.

- Дат. п. адресата предоставления

Пример: *еже ми отъць даяль и роди съдаляи, а то за нимъ* Н. бер. гр. № 9.

– Дат. п. при глаголах вручения (*дати, даяти, давати* и др.).

Пример: *дати ми Григорию Василиеву Глѣбову семьдесят рублевъ* Дог. № 68, 1472. Здесь же: значение “позволить”, “дать возможность”: *господь не дадаяше таковому сокровищю крытися в земли* Б. и Гл., л. 18 об.

– Дат. п. при глаголах, значение которых связано со значением пространственного передвижения (*сълати, нести* и др.).

Правдин отмечает, что в этом случае Дательный имеет и оттенок обстоятельственного значения – не только *кому?* вручается нечто, но *к кому? куда?* направлено пространственное движение.

Пример: *уже рускиа сынове разграбиша татарская узороч(ь)я, доспехи и кони, воли и велблуды, сахар, дорогое узороч(ь)е, камкы насычеве везут женам своим* Зад., лл. 222 – об. 223.

– Дат. п. при глаголах со значением поручения и подчинения (*въвѣряти, покорити* и др.).

Пример: *покори богъ Адаму звѣри и скоты* Лавр. 986 г., л. 29.

– Дат. п. лица, которому нечто назначают, определяют (*судити, уставити* и др.).

Пример: *Олегъ... устави дани Словѣномъ* Лавр., 882 г.

– Дат. п. лица, которому нечто обещают или желают (*обѣцати, сулити, хотѣти* и др.).

Пример: *что есмь посулилъ надѣлка зятю своему Сидору и дочери моеи Марьи, заплатилъ есмь имъ 50 бѣлъ* Н. гр. № 230, XV в.

– Дат. п. лица, у которого нечто отнимают (*отѣати* и др.).

Пример: *внидоша же и бѣси, начаша стязатися о украденомъ ми богатствѣ* К.-П. пат., л. 123.

- Дат. п. адресата причинения (*довѣсти, дѣлати, чинити, творити* и др.)

Пример: *[цесарь] Тотарскыи ... много тягости людем учинивъ поиде в своя си* Лавр., 1294 г.

- Дат. п. адресата сообщения.

– Дат. п. при глаголах сообщения (*благовѣствовати, въпити, глаголати, говорити, отвѣчати* и др.)

Пример: *язъ ему отвѣчалъ: не реклъ ми Есифъ варити перевары ни на кого* Н. бер. гр. № 3, XIV в.; *и да не мни мене молчаща ти о семъ* Кур., Эп. I, стл. 5.

- Дат. п. при глаголах внушения, напоминания, советования (*въложити, въсѣвати, съвѣщати* и др.)

Пример: *боляри же и велможси вѣрнии и любимии [отъцемъ] моимъ съвѣтъ не [благъ] свѣщаша ми* Стогл., л. 23.

- Дат. п. при глаголах показа, разъяснения, истолкования (*казати и явити*, их производные и др.).

Пример: *а поеди, господине, а мы тебе и между укажем...* Чер. № 117, 1498 г.

- Дат. п. адресата поощрения или препятствования.
- Дат. п. при глаголах со значением допущения, позволения, способствования (*благоволити, благословити, попустити* и др.).

Пример: *[богъ] не попусти лиху быти* Лавр., 1229 г., л. 156.

- Дат. п. при глаголах со значением повеления, приказания, принуждения (*велѣти, казати, нудити* и др.).

Пример: *не велить ти братъ починати рати, а всяко велить ти ся воротити* Ип., 1159 г., л. 179.

- Дат. п. при глаголах препятствования, запрещения (*бранити, заказати, заповѣдати* и др.).

Пример: *онъ, князь Самойло, для лекарства и для милостыни къ нему ходитъ всякимъ людемъ не заповѣдывалъ* Д. п. Н., стр. 371.

- Дат. п. при некоторых глаголах (*наказати, учити, уподобити, мьстити* и др.)
- Дат. п. при устойчивых выражениях (*ати вѣру, цѣловати крѣсть*).

Пример: *нынѣ, [княже Святославе], цѣлуи намъ [хрѣсть]* Ип., 1146 г., л. 119.

2) Дательный падеж при непереходных глаголах

- Дат. п. пользы и вреда

Пример: *поможет богъ Изяславу*, Н. 1., 1146.

- Дат. п. объекта психического движения

– При глаголах господствования (*господьствовати*, *старѣишиньствовати* и др.)

– При глаголах подражания, следования (*подражати*, *слѣдовати* и др.)

– При иных глаголах психического движения (*внѣти*, *вѣрити*, *заярѣти*, *присягати* и др.)

Пример: *Василь же вѣрова видѣнию святого*, К.-П. пат., л. 131 об.

- Дат. п. объекта общения (*бити челомъ*, *поманжти*, *кивати* и др.).

Пример: *добыша челомъ новгородьцы, бояре и черныи люди архиепископу новгородскому владыцѣ Василию, чтобы еси, господине, ехалъ нарядиль костры во Орѣхове, и онъ ехавъ костры нарядиль*, Н. 1, 1352.

3) Дат. п. при глаголе *быти*.

- Дат. п., обозначающий лицо, у которого нечто имеется.

Пример: *сему Африкану башета два сына*, К.-П. пат., л. 125, об.

- Дат. п. лица, с которым что-либо случается.

Пример: *бѣда имъ бѣ велика*, Н. 1, 1181 г.

- Дат. п. лица, которому нечто предоставляется.

Пример: *сяди в своемъ Киевѣ: ты еси старѣишеи братъ, а мнѣ буди си сторона* Лавр. 1025 г.

- Дат. п. ощущающего лица (*довьлети, улюбѣти, постыти* и др.)

Пример: *такъ ему постынетъ ѣства, что и смотрѣть на нее не может,* Верг. с. 180-181.

4) Дат. п. при возвратных глаголах.

- Дат. пад. в значениях, соотносительных с Дат. при переходных глаголах:

– Дат. пад. в соответствии с Дат. адресата.

Пример: *только три города не дашася королю и Витовту.* Ком. сп. Новг. 1 лет., 1410.

– Дат. пад. в соответствии с Дат. адресата причинения.

Пример: *оже тобѣ ся что створить, то что намъ дѣяти?* Лавр., 1153 г., л. 113, об.

– Дат. пад. в соответствии с Дат. сообщения и показа.

Пример: *исповѣм ти ся,* Сл. Д. 3., стр. 3.

– Дат. пад. при некоторых глаголах, соотносимых с переходными глаголами, управляющими дательным и винительным падежами.

Пример: *крестися... и научися святымъ книгамъ.* Ком. сп. Н. 1 лет., 1265 г., л. 179.

- Дат. пад. при глаголах, несоотносимых с Дат. при переходных глаголах.

– Дат. пад. объекта психического движения (*надѣятися* и др.).

Пример: *и ты, господине, на благочестие уклонися, а нам смилуйся.* Посл. двор. стр. 378.

– Дат. пад. объекта общения (*жаловатися, каятися* и др.).

Пример: *дружина же Всеволожа начяша князю жаловатися...* Лавр., 1178, л. 130 об.

– Дат. пад. со значением возникновения, причинения (*случитися, приключитися* и др.).

Пример: *призьри и вижь приключьшаяся чаду твоему*, Б. и Г., л. 14-а.

– Дат. пад. ощущающего лица (*видѣтися, помнитися* и др.).

Пример: *начесь вамъ кому што и какой сонъ видѣлся?* Пов. Иер., стр. 41.

Классификация падежных значений Дательного при глаголе, принадлежащая Правдину, будет применяться нами при анализе местоимения «ты» в Дат. пад. во II Главе нашей работы, как и замечания, касающиеся Дательного при имени, сделанные в данном параграфе.

2.4. *Dativus ethicus*

Помимо перечисленных выше значений Дательного, исследователи отмечают для древнейших текстов особое значение, которое чаще всего обозначают термином *Dativus ethicus*, используемым для обозначения аналогичного падежного значения в латыни, или Дательным заинтересованного лица.

Дательный заинтересованного лица (дательный интереса, симпатический, дательный этический), лат. *dativus ethicus (sympatheticus)*. Употребление формы дательного падежа в функции, близкой к вводному слову, т.е. вне связи с прямым значением. *Оно, правда, не близко, да только тут тебе и лес, и сплавная река.*³²

³²Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М., 2004. С. 119-120.

Карский отмечает, что *Dativus ethicus*, состоящий из дательного некоторых местоимений (чаще всего – «ты»), примыкает к Дательному объекта, обозначающему предмет/лицо, к которому направлено «душевное движение». Эти формы ученый называет не поясняющими глагол и почти не зависящими от него: *Dativus ethicus* обозначает лицо, для которого важно исполнение его требования или желания, которое интересуется известное состояние: *риѣте ему: Володимерь ти иде(ть) на та* Лавр., 23 об.³³

О Дательном заинтересованного лица в современном русском языке писал еще Шахматов, сравнивая его с «вводным словом, не вызываемым прямым значением предложения»³⁴. Т.П. Ломтев выделяет *Dativus ethicus* среди древних значений Дательного падежа и указывает, что важно не смешивать его с Дательным косвенного объекта: если без первого глагол имеет неполный смысл, то при Дательном заинтересованного лица глагол имеет полный смысл и без объекта в Дательном падеже³⁵.

Значение Дательного заинтересованного лица в древнерусском и современном русском языке могут иметь только местоимения. В «Исторической грамматике русского языка» В.И. Борковского и П.С. Кузнецова отмечается, что в современном русском языке это значение свойственно не только личным, но и возвратному местоимению *себе*: *а он себе идет; а он себе а в ус не дует*³⁶.

Дательный заинтересованного лица в современном русском языке рассматривает Г.И. Кустова в разделе, посвященном детерминантам – единицам, распространяющим не отдельные члены предложения, а

³³Карский Е.Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С.

³⁴Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001. С. 339.

³⁵Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. С. 254.

³⁶Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 2006. С. 432.

предложения в целом; отмечается, что детерминанты относятся к грамматической основе³⁷.

Значение Дательного заинтересованного лица, или дательного этического формулируется, как обозначение лица, не участвующего в ситуации, но представленное как причастное к этой ситуации, каким-то образом связанное с ней: «Функция риторического дательного состоит в том, чтобы включить в предложение, описывающее некоторую ситуацию, некое лицо – обычно участника речевого акта, ... и тем самым сделать это лицо причастным к описываемой ситуации, к которой оно в действительности не имеет отношения в том смысле, что не является ее участником»³⁸. Примеры: *Будет он тебе на жигулях ездить! Поговори мне еще! Я им не караульный эту технику охранять!*

Позволим себе небольшое замечание. В учебном пособии эти три примера поставлены в один ряд, однако употребление Дательного здесь, как нам кажется, неодинаково. В первых двух примерах с местоимениями 1 и 2 лица ед. (*мне, тебе*) данные местоимения действительно обозначают лицо, не участвующее в ситуации, не имеющее значения «для кого-л.» и выступающее синтаксически независимо; оно обозначает лицо, для которого важно данное сообщение. В третьем примере с местоимением 3 мн. (*им*) данное местоимение действительно указывает, для кого говорящий не является караульным, предложение имеет смысл «*Я для них не караульный*» или «*Я не их караульный*». Сравним аналогичные примеры для других личных местоимений:

От того, за кого лично я, ничуть не меняется ситуация моего соседа: я ему не указ. (Г. Любарский)

³⁷Синтаксис современного русского языка [Электронный ресурс]: курс лекций / Г.И. Кустова. – М., 2013. С. 67.

³⁸Кустова Г.И. Дательный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.

Во-первых, он нам не друг, во-вторых, наших с Николаем друзей вы никогда не признавали. (Ю. Домбровский)

Я тебе не тётка... (Ю.О. Домбровский)

Я вам не домохозяйка! (С.Д. Довлатов)³⁹

Как мы видим, в этих примерах происходит то же самое: дательный указывает на конкретное лицо, связанное с ситуацией, в некоторых случаях можно трансформировать их «*Он не наш друг*» (подтверждается дальнейшим контекстом: «*наших с Николаем друзей вы никогда не признавали*»), «*Я не ваша домохозяйка*». Поэтому, как нам кажется, в этих трех примерах местоимения имеют разную степень идиоматизации, местоимения в примерах 1 и 2 выступают более обособленно. Сравним это с данными современного болгарского языка: в статье Е.Ю. Ивановой отмечается, что, несмотря на наличие в научной литературе нескольких претендентов на *Dativus ethicus*, в действительности в таком качестве выступают только формы 1 и 2 л. ед. ч. личных местоимений, в некоторых случаях сходные в употреблении Дательного заинтересованного лица в русском языке⁴⁰.

Е.Ю. Иванова, говоря о *Dativus ethicus* в болгарском языке, прямо называет эту форму «дательными клитиками, которые выполняют роль частиц»⁴¹. Приводя в примеры и из русского языка, Иванова квалифицирует их как эмотивно-прагматические частицы, маркирующие участников коммуникативной ситуации⁴².

³⁹Примеры взяты из Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>

⁴⁰Иванова Е.Ю. О претендентах на роль *dativus ethicus* в болгарском языке // XX Державинские чтения. Современные проблемы болгаристики и славистики. СПб: СПбГУ, 2015. С. С.32-33.

⁴¹ Там же. С. 31.

⁴²Иванова Е.Ю., Петрова Г.М. Кластеризация местоименных клитик в форме датива: допуски и ограничения в современном болгарском языке (с македонскими и сербскими параллелями) // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции. Под редакцией Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2014. С. 66.

Разбор случаев употребления *Dativus ethicus* проводит на материале древнерусского текста – «Слова о полку Игореве» – А.А. Алексеев, обращая внимания на разную степень лексикализации «*ми*» и «*ти*» в этом значении и возможность их интерпретации от личных местоимений, имеющих специфическое значение Дательного, до частиц.⁴³ Тем не менее, во всех случаях Алексеев также не считает возможным связывать энклитики с каким-либо конкретным лицом; значение, выражаемое ими, ученый называет обобщенно личным.

Итак, *Dativus ethicus* в древнерусском и современном русском языке представляет собой исторически специфическое значение Дательного падежа, которое характеризуется:

- отсутствием указываемого лица в описываемой ситуации;
- маркированием при помощи данной формы лица, для которого высказывание важно, либо обобщенного круга лиц, к которому высказывание обращено;
- слабая грамматическая и семантическая связь с предикатом либо ее отсутствие;
- экспрессивность.

Эти свойства позволяют исследователям относить *Dativus ethicus* к значениям Дательного, с описанием его особенностей и отличий; к частицам, отмечая их модальность и независимость от других членов предложения; или же говорить о нем как о переходном явлении, в зависимости от лексикализации в конкретном контексте.

3. Частицы

3.1. Особенности семантики частиц

⁴³Алексеев А.А. *Dativus ethicus* в «Слове о полку Игореве» // Алексеев А.А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб, 2013. С. 212 – 213.

Т.М. Николаева в монографии «Функции частиц в высказывании»⁴⁴ начинает главу о проблемах лингвистического описания частиц с перечисления значений, в которых в лингвистике употребляется слово «частица»: служебные слова вообще (вышло из употребления); формообразующие частицы; «коннекторы» в традиции изучения древних языков – части комплекса, вводящие индоевропейское предложение; единицы языка, передающие различные коммуникативные характеристики высказывания.

Рассматривая данные, которыми располагает современная лингвистика, Николаева приходит к выводу о том, что все эти значения оказываются связанными между собой. Если учитывать сложность четкого разграничения частиц, союзов, наречий, местоимений, междометий между собой, наличие «гибридных», «переходных» классов; происхождение частей некоторых слов (например, *давеча*) от частиц/союзов; разложимость (исторически) сложных частиц на более мелкие части, которые могут функционировать в современном языке в качестве частицы, союза, наречия, – мы должны будем признать, что во всех четырех пониманиях существуют пересекающиеся области.

Отечественная лингвистика прошла весь путь понимания частиц, от класса «таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значение других слов, групп слов, предложений или служат для выражения разного рода грамматических (логических и экспрессивных) отношений»⁴⁵, и одной из служебных частей речи, до разнообразных современных трактовок как «логического слова»⁴⁶, «маркера

⁴⁴Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985.

⁴⁵Виноградов, В. В. Избранные труды / В. В. Виноградов. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 354.

⁴⁶ Апресян, Ю. Д. Основания системной лексикографии [Текст] / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 33–160. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М, 2010.

пресупозиции»⁴⁷, «выделителя темы или ремы»⁴⁸, «метатекстового оператора»⁴⁹, «дискурсивного слова»⁵⁰.

Последние термины и подходы не могут быть использованы в нашей работе в силу того, что мы располагаем весьма ограниченным материалом с уже мертвыми формами, что не позволяет порой проверять возможность замен, трансформировать предложения с уверенностью, что новое предложение будет адекватно реальности изучаемого древнего языка. Поэтому в работе мы используем традиционный термин «частица», необходимый кроме того, когда мы говорим о частеречной принадлежности того или иного слова и работаем со словарями древнего языка. Однако, безусловно, мы внимательно относимся ко всем наблюдениям над функционированием в языках «частиц», привнесенным в лингвистику с момента возникновения в ней интереса к коммуникативному акту и прагматике высказывания, с поправкой на характеристики исследуемых текстов.

Николаева, делая обзор традиции изучения частиц, выделяет положения, которые можно считать общепризнанными⁵¹. Мы выделим некоторые из них, принципиально важные для анализа нашего материала.

Во-первых, перечень частиц достаточно размыт – это подтверждается тем, что число указанных частиц в разных словарях и грамматиках очень разнится. Этот факт объясняется размытостью семантики частиц, которые объединяют в себе два качества – многозначность и синонимичность

⁴⁷ Марусенко, Н. М. Специфика семантики служебных единиц. Прагматические функции частиц в высказывании: Автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб., 1997.

⁴⁸ Борисова, Е. Г. Семантический анализ усилительных частиц русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

⁴⁹ Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М., 1999. С. 263–305.

⁵⁰ Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

⁵¹ Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985. С. 6 – 12.

одновременно. Например, в современном русском языке «и» может быть синонимична «еще», «даже», «тоже», «именно». Так, частицы представляют собой «наборы сем», в которых семы повторяются, но их набор индивидуален.

Во-вторых, существует стремление языков с синонимией частиц создавать из них сложные комплексы. Данная особенность вместе с тем ставит вопрос о разграничении таких частиц: являются ли комплексы типа «*вот бы*», «*ну вот*» сложными частицами или же комбинацией отдельных частиц? Что касается древних языков, Николаева указывает на тенденцию разделять их. В любом случае, можно констатировать, что частицы «обладают способностью сочетаться друг с другом в целые комплексы, которые в предложении легко возникают и легко распадаются, видоизменяются»⁵².

В-третьих, отмечается, что значение высказывания с частицей в большой мере зависит от контекста. Частицы относятся к высказыванию в целом. Более того, как отмечает автор монографии, с каждой частицей можно сопоставить набор сем, и выбор той или иной семы будет коррелировать с определенным контекстом.

В-четвертых, можно говорить о «переходности» частиц как их характерной черте: частицу не всегда можно отделить от других единиц языка на уровне грамматической функциональности (например, омонимия частиц и наречий), модальности и т.д. Эта мысль о «переходности» отразилась в одной из современных классификаций, которую мы находим в работе С.И. Богданова. Здесь наряду с формообразующими и субъективно-модальными частицами, выделяется также группа союзных частиц или частиц союзов⁵³. Они, по мысли автора, представляют собой «гибридный»

⁵² Русская грамматика. Т. 1 / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М., 1980. С. 730.

⁵³ Богданов С.И. Морфология неполнозначных слов в современном русском языке. Учебное пособие. СПб, 1997. С. 30.

класс служебных слов, в которых объединяется союзная функция и выражение модальных значений.

Все эти положения могут должны быть учтены при рассмотрении нами древнерусского материала. Во II главе нашей работы будет проиллюстрировано, как данные особенности частиц проявляются в древнерусском тексте.

Если мы обратимся к современному толкованию частиц как частей речи в «Русской грамматике» 1980 года, то найдем такое определение: частицы – это неизменяемые служебные слова, которые обладают рядом отличительных признаков:

- 1) участвуют в образовании морфологических форм слов и форм предложения с разными значениями ирреальности (побудительности, сослагательности, условности, желательности);
- 2) выражают различные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщения или отдельных его частей;
- 3) участвуют в выражении цели сообщения (вопросительность), а также в выражении утверждения или отрицания;
- 4) характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления⁵⁴.

Все эти функции частиц можно разделить на две больших группы: функция формообразования и функция различных коммуникативных характеристик сообщения. Объединяет их то, что во всех случаях в них присутствует значение отношения: а) действия, состояния либо целого сообщения к действительности, б) отношения говорящего к сообщаемому. А

⁵⁴Русская грамматика. Т. 1 / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М., 1980. С. 272.

значение каждой отдельной частицы – «то отношение, которое выражается ею в предложении»⁵⁵.

Таким образом, главное отличие частиц от предлогов и союзов – они «не могут быть охарактеризованы как грамматические средства, как форманты синтаксических конструкций»⁵⁶. Их «служебность» состоит в выражении значений на уровне коммуникации, в обозначения различных отношений говорящего – того, кто оценивает ситуацию, высказывания, собеседника. Однако в языке есть немалый пласт случаев «перехода», прежде всего, между союзами и частицами, в которых происходит совмещение их значений.

2. *Частицы в древнерусском языке. Частица «ти»*

Важность значения отношения подчеркивает и В.В. Колесов, анализируя древнерусские частицы: частицы — служебные слова, придающие определенный смысловой оттенок знаменательному слову или целому предложению для выражения различных грамматических отношений⁵⁷. Как отмечает Колесов, вместе с тем, что частиц в древнерусском языке было много (около 60), они были многофункциональными и семантически синкретичными, что согласуется с общими наблюдениями Николаевой. Основные функции частиц, которые выделяет автор учебника, таковы:

- выделительная;
- уточняющая;
- усилительная.

⁵⁵Там же. С. 272.

⁵⁶Стародумова Е.А. Русские частицы. Учебное пособие. – Владивосток, 1997. С. 3.

⁵⁷Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. СПб, 2009. С. 406.

При этом неразделенностью значений обладают частицы наиболее древние и простые по форме. Ученый считает, что частицы были подобны определенному артиклю, но относящемуся не к отдельному слову, а ко всей синтагме в целом⁵⁸.

Обобщая предыдущий опыт исследования частиц в рамках исторической грамматики русского языка, В.В. Колесов приводит следующие функции:

- 1) усилительно-выделительная: *же* (*понѣ*);
- 2) крайнего предела: *и, аже, даже* (*оли, олны*);
- 3) усилительно-отрицательные: *ни, ниже*;
- 4) заинтересованного в совершении действия лица: *ми, ти, си* и пр. (*Dativus ethicus*); ср.: *Володимеръ ти идешь на тя* (Лавр, под 980 г.);
- 5) определительные: *и, бо*;
- 6) количественно-уточнительные: *нѣ, яко, мало не*;
- 7) выделительно-ограничительные: *толико, токмо, развѣ, лишю, все (точию)*;
- 8) условно-ограничительные: *развѣ*;
- 9) уступительно-ограничительные: *аче, ли, хотя* (*понѣ*);
- 10) указательные: *се*;
- 11) отождествительные: *тъ же* (*тоже*) и под.

Среди четырех самых частотных частиц В.В. Колесов называет частицу *ти*, указывая, что *ти* – «по модальности самая слабая степень, выражающая заинтересованное пожелание лица (*добро ли ти помолодити...*)»⁵⁹.

⁵⁸ Там же. С. 407.

⁵⁹ Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. СПб., 2009. С. 407

Интересно, что В.В. Колесов относит к частицам *ми, ти, си* в значении дательного заинтересованного лица, которое исследователи обычно квалифицируют как одно из значений дательного личных местоимений. Так и приведенный пример из Лаврентьевской летописи обычно приводится для иллюстрации значения дательного заинтересованного лица в древнерусском языке. К эмотивно-прагматическим частицам, которые «маркируют участников коммуникативной ситуации»⁶⁰, относит *Dativus ethicus* Е.Ю. Иванова, как уже было упомянуто в соответствующем разделе; этимологию частицы «*ти*» от *Dativus ethicus* местоимения «*ты*» устанавливает и М. Фасмер⁶¹.

Исследователь отмечает, что частица «*ти*» в текстах 11-14 вв. представляет собой тип частиц, характерных именно для древнерусского языка, так же, как «*бо*», «*ажь*», «*оли*»⁶².

А.А. Зализняк при описании языка древненовгородских берестяных грамот отмечает распространение частицы «*ти*» во всех известных нам древнерусских диалектах и особенно широкое – в древненовгородском диалекте периода 11-12 вв.⁶³ В употреблении частицы ученый различает два случая: свободное, не связанное позицией рядом с какой-либо словоформой, и несвободное.

1. Свободное употребление.

В этом случае «*ти*» является «усилителем индикативности»⁶⁴, подчеркивает существование того или иного факта, указывает на его

⁶⁰Иванова Е.Ю. О претендентах на роль *dativus ethicus* в болгарском языке // XX Державинские чтения. Современные проблемы болгаристики и славистики. СПб: СПбГУ, 2015. С. 31 – 37.

⁶¹Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева. Том IV. М., 1987. С. 55.

⁶² Там же. С. 411.

⁶³Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 196.

⁶⁴Там же. С. 196.

значимость для того, кому адресовано высказывание: *то ти есмь дале Савѣ* ‘вот что я дал Савве’ 384 (XII)⁶⁵.

В свободном употреблении могут возникать следующие контекстуально обусловленные оттенки:

А) противопоставления (‘что же касается..., то’): *а ныне ка посьли къ томоу моужеву грамоту..., а се ти хочоу ...* ‘а ты теперь пошли к тому мужу грамоту ..., а я вот что хочу ...’ 109 (XI/XII);

Б) причины: *продавши дворъ, идите же съмо – Смольньску ли, Киевоу ли: дешева ти хлебе* ‘продавши двор, идите сюда – в Смоленск или в Киев: дешев [здесь] хлеб’ 424 (XIII);

В) следствия: *а не присълеци ми полоу пьаты гривны, а хоцоу ти выроути въ та лоуцьшаго новъгороджанина* ‘если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца’ 246 (XI).

2. Несвободное употребление.

В таком употреблении «*ти*» иногда представлена в усеченном виде «*ть*». Сочетание «*ти*» с некоторыми словами или словоформами может изменять значение частицы. А.А. Зализняк выделяет следующие частотные случаи несвободного употребления частицы:

А) в сочетаниях *нѣту ти, нѣ ти, надобѣ ти* – тенденция в сращение в одно слово: *а жеребеѣ нѣтоуть ни коунамъ ни верши* 322 (нач. XIV);

Б) в сочетаниях *то ти, се ти* – могут быть свободными сочетаниями, однако наблюдается тенденция к идиоматизации; в этом случае частица имеет усилительное значение;

В) в сочетании с условными союзами *оже, аже, аче, али* и др.

⁶⁵Там же. С. 196.

В таких случаях «*ти*» первоначально была усилительной: *оже ти* – ‘если в самом деле’, ‘если всё-таки’. Однако впоследствии это усилительное значение проявляется не так ярко, например: *ожь ти нь бьжьли колобьзь* ‘если колбяги не бежали’ 222 (нач. XIII);

Г) после относительных местоимений и наречий (*иже, иже то, что* и др.) – в этом случае «*ти*» со свойственным ей усилительным значением оказывается близка к релятивизатору (превращает вопросительное местоимение или наречие в относительное).

Д) сочетании с *да* и *а* – *дати* (*дать*) ‘пусть’, ‘чтобы’, *ати* (*ать*) ‘пусть’, ‘если’.

При этом, по наблюдениям А.А. Зализняка, в живой речи на территории древнего Новгорода свободные употребления «*ти*» постепенно уступают несвободным уже с 12 в.

Учитывая принципиально разный характер изучаемых текстов – приближенных к устной речи (берестяные грамоты), книжного (житие) и «гибридного» (летопись) – во II главе мы проследим на изучаемом материале, как реализуются в них разные употребления частицы «*ти*», описанные наиболее подробно для древненовгородских берестяных грамот.

4. Союз «*ти*»

Словарь русского языка XI–XVII вв. дает такие значения для союза «*ти*»

- *и, да*;
- *а, но, однако*;
- при повторяющемся союзе – *или... или, то ли... то ли*.

Описание этого союза мы чаще находим в словарях, с повторяющимся набором значений, ср. Материалы для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского, Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. В словаре Фасмера же мы находим характерное упоминание о значении «*ти*» как союза: «Не всегда легко отделить от *ти* I»⁶⁶ (в значении частицы).

В Материалах для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского и в Словаре русского языка XI–XVII вв. для союзного значения «*ти*» представлено немало иллюстративного материала, с древнейших текстов до 16-17 вв., что говорит о распространенности союза в древнерусском языке.

Итак, подведем промежуточный итог грамматической характеристики изучаемых нами форм и слов. В представленных в данной Главе исследованиях мы находим обоснования явлению омонимии или же полифункциональности⁶⁷ слов «*ти*». Такие классы слов, как частицы и союзы, всегда имеют зоны «переходных», «гибридных» значений, которые не позволяют окончательно разграничить их. Кроме того, и местоимения, вероятно, в силу их способности актуализировать высказывание, выстраивать отношение говорящего к высказыванию, имеют эту зону «перехода» в исключительно модальные значения; этой зоной является *Dativus ethicus*, известный как древнерусскому, так и современному русскому языку.

⁶⁶Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева. Том IV. М., 1987. С. 55.

⁶⁷О разграничении понятий см. А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова. Союзы и частицы в парадигматическом и синтагматическом аспектах // Гуманитарные исследования в восточной сибире и на дальнем востоке. №2. Владивосток, 2012. С. 20.

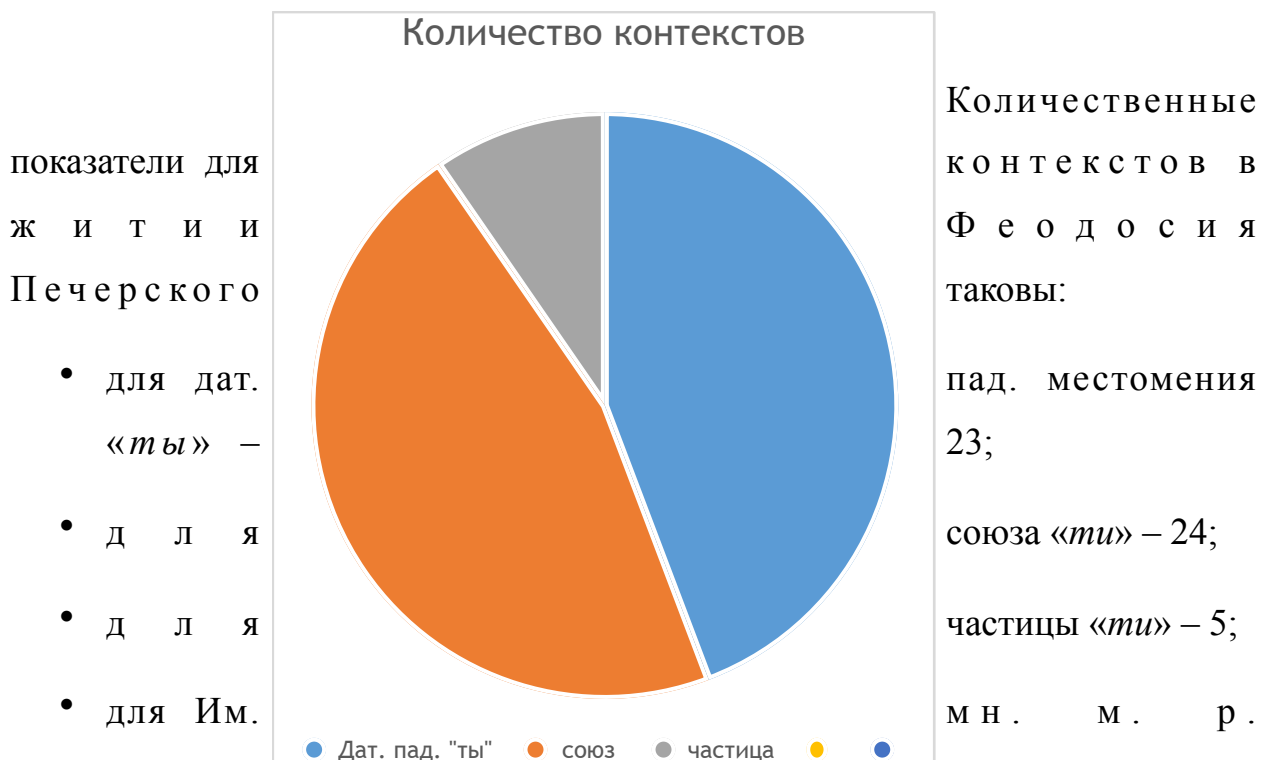
Глава II

Омонимы «ти» в древнерусских текстах разных жанров

Глава, посвященная анализу материала, построена следующим образом: нами будут проанализированы контексты для каждого из омонимов «ти» для жития и летописи в отдельности, после чего мы сопоставим получившиеся результаты.

1. Житие Феодосия Печерского по Успенскому сборнику

Представим в виде диаграммы, каким образом распределяются контексты для каждого из омонимов «ти»:

указательного местоимения «*тъ/тотъ*» – 0

1.1. Дательный падеж местоимения «ты»

Как свидетельствуют приведенные нами подсчеты, примеры на Дат. пад. местоимения являются самыми многочисленными среди всех контекстов для омонимов «*ти*». Все употребления энклитики – Дат. пад. «*ты*» приходятся на диалогическую речь.

Мы рассмотрим употребление энклитики «*ти*» с точки зрения:

- падежных значений, представленных в примерах (по классификации Правдина);
- спорных случаев употребления омонимов «*ти*» для Дат. пад.
- правильности употребления энклитик с точки зрения закона Вакернагеля и рангов энклитик;

Значения Дательного падежа. Бóльшую часть контекстов здесь составляет Дат. пад. местоимения при глаголах речи, сообщения (*речи, глаголати, извѣстити, повѣдѣти*) – Дательный адресата сообщения, также при соотносительном с ними возвратном глаголе *молитиса*, всего 12 контекстов. Приведем некоторые из них:

- 1) *Таче съ съмѣрениемъ божьствѣный уноша отъвѣщавааше матери своей, глаголя: «Послушай, о матери, молю ти ся, послушай!*
- 2) *И глагола ему отрок: «Вѣрую Богу моему, отче, яко аще и мучити мя начнетъ отецъ мой, не имам послушати его, еже възвратити мя къ миру. Молю же ти ся, отче, да въскорѣ острыжеши мя»*

- 3) *Сице же ему пребывающую и молящуюся, и се вънезапу предъста у одра его блаженный Феодосий, иже и падъ на пърсехъ его и любьзно цѣлуя и глаголаше к нему: «Се, о, чадо, о немъ же молися Господеви, се нынѣ посла мя извѣстити **ти**, яко сице по прошеню твоему будетъ ти...»*
- 4) *И пакы призвавъ пономонаря, глагола ему: «Рѣхъ **ти**, излѣй въсе и о утрѣйшьниимъ дъне не пѣйся...»*
- 5) *Блаженный же рече къ ней: «[...] Аще ли сего не твориши, то — истину **ти** глаголю — к тому лица моего не имаша видти»*
- 6) *Онъ же вѣдяшеся, яко и помель бѣ сусѣкъ тѣ и въ единъ угълъ мало отрубъ, яко се съ троѣ или съ четверы пригъръще, тѣмъже глаголаше: «Истину **ти** вѣщаю, отъче, яко азъ самъ пометохъ сусѣкъ тѣ, и нѣсть въ немъ ничьсоже, развѣ мало отрубъ въ угълѣ единомъ»*

Стоит отметить, что выделенные нами в примерах сочетания с «*ти*»: *молю ти ся* (примеры 1, 2), *истину ти глаголю/ вѣщаю* (примеры 5, 6), – употребляются в тексте как устойчивые словесные формулы. Они служат для оформления в диалоге просьбы (*молю ти ся*) или ответной реплики (*истину ти глаголю/ вѣщаю*) – последняя хорошо известна по тексту Нового Завета: *цитата*.

Все примеры для Дат. пад. при глаголах речи, сообщения являются примерами из диалогической речи персонажей – этим обуславливается употребление и местоимения второго лица, и глаголов речи.

Другие группы значений представлены заметно меньшим числом контекстов, от 1 до 3. Одно из таких значений, обнаруженное нами в рассматриваемых примерах – дательный предоставления при глаголах *привести* (пространственное передвижение), *подати* (вручение):

- 1) *«Се азъ, Владыко, и дѣти яже възпитахъ духовнымъ твоимъ брашньмъ; и се, Господи, ученици мои, се бо сия **ти** приведохъ, иже научихъ вся житийская презрѣти и тебе, единого Бога и Господа, възлюбити»*

- 2) *«Се, о Владыко, стадо богословесныхъ твоихъ овецъ, и имъже мя бѣ пастуха створилъ и еже упасохъ на бжжствѣнѣй твоей пажити, и сия **ти** приведохъ, съблюдо чисты и непорочны»*

- 3) *«Нъ се да молишия Богу въ келии своей, да и Богъ, видя твое трѣпѣние, подасть **ти** побѣду на ня, якоже не съмѣти имъ ни приблизитися къ тебе»*

В примерах 1 и 2 этой группы значений в дательном падеже предоставления отчетливо выделяется обстоятельственный оттенок направления движения; сравни перевод жития на современный язык при помощи конструкции «к + Дат. пад.»: *и вот они, Господи, ученики мои, привел я их к тебе...* (пример 1); *и я возрастил их на божественном твоём поле и к тебе привел* (пример 2).

В контекстах с энклитикой «*ти*» встречаем также Дательный адресата причинения при глаголах *творити, сътворити*:

- 1) *«Ни, брате, не отходи отъ мѣста того, да не како похвалятья тобою злии дуси, яко побѣдивъше тя и бѣду на тя створъше, и оттолѣ пакы больше зъло начьнути **ти** творити, яко власть приимъше на тя.*

- 2) *«Иди и буди въ келии своей, и отселѣ не имуть **ти** никоеяже пакости створити лукавии бѣси, не бо видѣти ихъ имаши».*

Еще одно встретившееся значение – Дательный пользы (при глаголе со значением оказания помощи):

*«Но егда како отецъ твой пришед съ многою властїю и изведет тя отсюда, нам же не могуцим помощи **ти**, ты же пред Богом явишися, якоже ложь и отмѣтникъ его».*

Отмечен и один случай Дательного падежа при глаголе «*быти*», обозначающего лицо, которому нечто предоставляется:

*«Се, о, чадо, о немъ же молися Господеви, се нынѣ посла мя извѣстити ти, яко сице по прошению твоему будетъ **ти**, и съ святыми причѣтенъ будеши и сътъми въ царствїи у небеснааго владыкы обѣщаникъ будеши»*

Все указанные значения при переводе адекватно передаются современной формой Дательного падежа тебе, сравни:

*Молю **ти** ся, чадо, останися таковааго дѣла – Молю **тебя**, чадо мое, брось ты свое дело*

*...и отселѣ не имуть **ти** никоеяже пакости створити лукавии бѣси... -
...и отныне не только не причинят **тебе** никакого зла коварные бесы...*

Отдельно отметим значение, отмечаемое у Карского. Речь идет о Дательном падеже, обозначающего субъекта состояния или, если говорить в терминах семантических ролей, экспериенцера – субъекта ситуации восприятия, эмоционального или ментального состояния. Такой Дательный появляется в следующих контекстах:

1) *«Молю ти ся, чадо, останися таковааго дѣла, хулу бо наносиши на родъ свой, и не трѣплю бо слышати отъ всѣхъ укараему **ти** суцю о таковѣмъ дѣлѣ».*

2) *И нѣсть бо **ти** лѣпо, отроку суцю, таковааго дѣла дѣлати».*

3) «Зълый рабе лѣнивый, подобаше **ти** дати сребро мое тържсьникомъ, и азъ пришед быхъ съ лихвою истязаль е»

Страдательные конструкции, представленные в первых двух примерах, прозрачны по значению (Дательный в значении экспериенцера активно используется и в современном языке), однако их перевести их, сохранив грамматическую структуру, на современный русский язык несколько сложнее, о чем свидетельствует предложенный перевод:

*«Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, ибо срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все потешаются **над тобой** и твоим делом. Разве пристало отроку этим заниматься!»*

Как мы видим, во втором случае сочетание *нѣсть бо **ти** лѣно* вообще было опущено переводчиками, изменилась общая интонация фразы.

Спорные случаи. В целом же, постановка энклитики «*ти*» при глаголе, диалогическая речь, значения Дательного падежа, актуальные для современного языка, как правило, однозначно дают понять, что перед нами именно местоимение «*ты*» в Дательном падеже. Спорных случаев для омонима «*ти*»-личного местоимения, для Жития Феодосия Печерского нами выявлено не было.

1.2. Союз «*ти*».

Союз «*ти*» – самый частый из всех омонимов «*ти*» в тексте Жития Феодосия Печерского. И если Дат. пад. «*ти*» встречается исключительно в диалогической речи, то большинство употреблений союза приходится на монологическую речь.

В Словаре русского языка XI–XVII вв. приведены следующие значения для союза «*ти*»:

- и, да: *Иде [Глебъ] к рѣцѣ. идеже бЕѣ кораблець уготованъ. и влѣзь во нь. **ти** [вар.: и] тако отбѣже от законопреступнаго брата. Ж. Бор. Глеб. (чтен.)*
- а, но, однако: *Сами бо вѣсте, иже который [человѣкъ] ремество имый, **ти** его не дѣлаеть, может ли ся обогатети? Поуч. Ильи, 16.*
- при повторяющемся союзе – или... или, то ли... то ли: *И теперешние воршики хотѣли пойти на Смоленскъ, вѣстей нѣтъ прямых, **ти** много люду, ти немного, и они пошли на Бѣдую. АИ II, 203.*

В Житии Феодосия Печерского нами были обнаружены примеры употребления для первого значения союза «*ти*» – соединительного ‘и, да’. Приведем несколько примеров:

- 1) *Таче пришедъши матери его [Феодосия] по двою дънию отрѣши и и подасть же ему ясти, еще же гѣвъмь одѣржима суци, възложи на нозѣ его желѣза, **ти** тако повелѣ ему ходити, блюдуци, да не паки отбѣжитъ отъ нея*
- 2) *«Многъ бо путь шѣствовавъши, придохъ въ сий градъ, тѣмко же да вижду си сына своего. **Ти** тако възвращюся въ градъ свой»*
- 3) *Тожже повелѣ отъць его съ гнѣвъмь съвязати ему руцѣ и одѣти и въ прежереченую одежю, **ти** тако ити ему сквозѣ градъ въ домъ свой.*
- 4) *Сѣдъшию же ему, якоже речеся, и се слышааше гласъ хлопота въ пещерѣ отъ множества бѣсовъ, якоже се имъ на колесницахъ ѣдущемъ, другимъ же въ бубны биущемъ, и инѣмъ же въ сопѣли*

*сопущемъ, **ти** тако всѣмъ кличущемъ, якоже трястися пещерѣ
отъ множества плища злыихъ духовъ*

5) *«Първъѣ, брате Клименте, изнеси си святое Еуангелие, еже имаши
въ пазусѣ своей и еже обѣщаль еси дати святѣй Богородици, **ти**
тѣгда сядемъ»*

6) *И се по дньхъ нѣколицѣхъ, съпяцю ему въ полудне въ храмнѣ
своей, и се приде ему глас страшнѣ, именѣмъ того зовущѣ его:
«Клименте!» Онѣ же въспрянувѣ и сѣде на ложи. **Ти** видѣ икону
святыя Богородиця, иже бѣ въ монастыри блаженаго, прѣдѣ
одръмѣ его стояцю.*

7) *Кѣ симъ же и ядѣ ихъ бѣ рѣжанѣ хлѣбѣ тѣкмо, **ти** вода. Въ субботу
же **ти** въ недѣлю сочива въкушахуть...*

Интересно отметить, что абсолютное большинство примеров представляют собой сочетания союза «*ти*» с местоимениями (местоименными наречиями) *так*, *тѣгда* (примеры 1 – 5). Таким образом, союз в тексте Жития стремится образовывать сочетания, которые, судя по всему, были свободными; чаще всего встречается сочетание «*ти так*» – 12 примеров из 22, – где «*так*», как правило, отсылает нас к предыдущему высказыванию или предыдущей части фразы и переводится ‘так’, ‘таким образом’. В аналогичной позиции в тексте встречаются и другие сочинительные союзы:

*Таче походивѣ святая та мѣста, възвратися въ свой монастырь и
пакы по времени нѣкоторѣмъ иде въ Костянтинѣ градѣ, и ту такоже походи
вся монастыря и искупивѣ, еже на пользу монастырю своему, **и** тако поиде
на конихъ въ страну свою.*

Сихъ, братие, уклонимъся, сихъ възгнушаимъся, не осквърнавимы си душа своя, нъ поидѣмъ по пути Господню, ведущимъ ны въ породу, и възшиѣмъ Бога рыданиемъ, слъзами, пощениемъ и бѣдѣниемъ, и покорениемъ же и послушаниемъ, да тако обрящемъ милость отъ него.

То есть сочетания «и тако», «да тако» можно считать синонимичными для рассматриваемого нами сочетания «*ти тако*».

В некоторых случаях сочетание «*ти тако*» может указывать на необходимость совершения некоего действия, указанной в левом контексте, для того, чтобы совершилось другое действие, указанном в правом контексте, как в случае:

*«Многъ бо путь шьствовавъши, придохъ въ сий градъ, тъкмо же да вижду си сына своего. **Ти тако** възвращюся въ градъ свой»*

По нашему мнению, здесь речь идет скорее о причинно-следственной связи: ‘увидю сына своего – и вернусь в город свой’, – и в таком случае, сочетание с «*так*» оказывается близко по значению или синонимично сочетанию с «*тѣгда*». Аналогичные случаи находим в следующих контекстах:

*И егда же въздрѣмаашеся, тѣгда же съсѣдѣ, текъ, идяше въскрай коня, дондеже трудяшесе, **ти тако** пакы на конь въсядяше – ‘...пока не уставал, и тогда снова на коня садился’.*

*Братии же врата затворивъшемъ и никогоже пустящемъ по повѣлению блаженааго, и бѣша присѣдяще надъ нимъ и ожидающе, дондеже разидуться людие, **и тако** того погребуть, якоже самъ повелѣ. [...] И се по съмотрению Божию пооблачилося небо, и съниде дѣждь. То же*

ти тако разбѣгошася – ‘Братья же заперли ворота и никого не пускали по повелению блаженного, и сидели над ним [его телом] и ожидали, когда разойдутся люди, и тогда его похоронят, как он сам повелел. [...] И вот по воле Божьей появились облака на небе, и пошел дождь. И тогда разбежались [люди]’.

Во втором случае мы встречаем два сочетания «*и тако*», «*ти тако*», которые указывают на причинно-следственные связи в отрывке. Возможна такая трактовка и в следующем примере:

*Егда бо братии монастыря сего хотящемъ варити, или хлѣбы пеци, или кую ину службу творити, тогда же първое шѣдь единъ от нихъ възьметъ благословение отъ игумена, таче по сихъ поклонитъся прЕдъ святымъ ольтарьмъ три краты до земля, **ти тако** свѣцию възьжеть отъ святаго ольтаря и отъ того огонь възгнѣтитъ* – ‘получит благословение от игумена, после того поклонится перед святым алтарем троекратно до земли, и тогда свечу зажжет от святого алтаря и от этого (от свечи) зажжет огонь’.

Таким образом, сочетание «*ти тако*» в Житии Феодосия Печерского может указывать как на то, каким образом совершается действие (с указанием на левый контекст), так и на причинно-следственные связи в тексте.

Примеров употребления союза «*ти*» вне сочетания с другими словами всего 4, три из них представлены в примерах 6 – 7. Еще один пример, в котором встречается «*ти*» в роли союза вне сочетания с другими словами, кажется нам неоднозначным с точки зрения толкования союза как сочинительного (‘и’) либо противительного (‘а, но’):

*Аще бо кто и не видѣвъ ея, **ти** слышааше ю бесѣдующю, то начыняше мнѣти мужа ю суца.*

Переводчик перестраивает фразу таким образом, что необходимость переводить этот союз пропадает: *Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и подумает, что это мужчина.* Нам кажется, было бы возможно интерпретировать союз как противительный: ‘Если кто и не видел ее, но слышал, как она говорит, то начинал думать, что это мужчина’.

Являясь проклитикой, во всех рассмотренных случаях союз всегда занимает свое закономерное место в начале тактовой группы.

В случае необходимости разграничения союза и частицы «*ти*», как нам кажется, синтаксическая позиция может оказаться решающим фактором. Если союз употреблен без сочетания с указательными «*так*», «*тогда*», его соединительное значение оказывается прозрачным, как в данном примере:

*Къ симъ же и ядъ ихъ бѣ рѣжанъ хлѣбъ тъкмо, **ти** вода – К тому же и еда ихъ была — один ржаной хлеб и вода.*

Однако в случае с сочетаниями интерпретация примеров могла бы быть разной, как в примере:

*«Първъѣ, брате Клименте, изнеси си святое Еуангелие, еже имаши въ пазусѣ своей и еже обѣщаль еси дати святѣй Богородици, **ти** тъгда сядемъ» – «Прежде всего, брат Климент, достань святое Евангелие, которое держишь у себя за пазухой и которое пообещал ты в дар святой Богородице, тогда **и** сядем».*

По нашему мнению, без учета синтаксической позиции слова «*ти*» в данном случае возможные интерпретации предложения могли бы колебаться от перевода с усилительной частицей «*Прежде всего, брат Климент, достань святое Евангелие [...], вот тогда/тогда-то сядем*» до перевода с соединительным союзом «*Прежде всего, брат Климент, достань святое Евангелие [...], и тогда сядем*».

Интересно, что О.В. Творогов в предложенном переводе выбрал такой вариант постановки союза: «*тогда и сядем*». Подобные примеры рассматривает Т.М. Николаева, говоря о шкале перехода между значениями частиц и союзов, которые порой бывает сложно разграничить, а точнее, которые наращивают новые значения и таким образом пересекаются, переходят одно в другое: *Один наследник, ему, Ивану Алексеевичу, и царствовать – Оно несколько произвольно, но ведь я на точных цифрах и не настаиваю – Кстати, мне и некогда – По смерти Пушкина друзья его продолжали быть и друзьями Гоголя и т.д.*⁶⁸. Если мы обратимся к разбору предложения на современном русском языке, то, согласно словарной статье Словаря русского языка, мы должны будем установить, что «*и*» в отрывке «*тогда и сядем*» является союзом с выделительным значением, в сочетании с указательным местоимением (местоименным наречием), употребляющимся перед сказуемым; сравни с примером из словаря: *Вот тут-то Алексей и совершил промах* (Б. Полевой)⁶⁹. Таким образом, переводчик выбрал «переходный» вариант значения союза, который совмещает значение соединения, присущие союзу, и значение выделения, присущие частицам. По-видимому, такая трактовка фразы адекватна древнему тексту, в котором союзы и частицы, так же, как и в современных языках, имеют пересечения в функциях.

⁶⁸ Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985. С. 4.

⁶⁹ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

Итак, синтаксическая позиция в начале предложения однозначно говорит нам о том, что «*ти*» в конкретном случае является именно союзом: как мы можем судить по материалу, проанализированному А.А. Зализняком, частица «*ти*», энклитика, занимая разные позиции относительно сказуемого, не выходит в начало в фразы даже при некоторых нарушениях закона Вакернагеля⁷⁰. Однако в сочетаниях с указательными словами «*так*», «*тѣгда*» союз «*ти*» приобретает оттенок значения – выделения, подчеркивания, – свойственный скорее частицам, нежели союзам.

1.3. Частица «*ти*»

В Житии Феодосия Печерского употребление частицы «*ти*» ограничено всего пятью примерами. Приведем их:

- 1) *Сицева **ти** бѣ любы блаженаго, и сицево милосърдие къ ученикомъ своимъ имяше, дабы ни единъ от стада его отлучилъся, нъ вся въкупѣ, яко пастухъ добрый, пакы пасяше, уча и утѣшая и словесы увѣщавая душа ихъ, кърмляше и напаяя не престаяше.*
- 2) *Сицева **ти** бѣ блаженаго отъця нашего Феодосия молитва еже къ Богу о стадѣ своемъ и о мѣстѣ томъ, и сицево бѣдѣние и несѣпанье по вся нощи, и тако сияше яко свѣтило прѣсвѣтло въ монастыри томъ.*
- 3) *Се бо по святѣй литургии идущемъ тѣмъ на постыныя ты обѣды, се отнюду же бѣ не начаятися то же, тако **ти** привезоша возъ таковыхъ хлѣбъ.*

⁷⁰ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

4) Тако **ти** тѣщание бѣ къ Богу надежа преподобнаго Феодосиа и тако упование имяше къ Господу нашему Исусу Христу, якоже не имѣти надежа о зѣмьныхъ никоеяже, ни уповати же ни о чемъ же въ мирѣ семъ, нѣ бѣ всею мыслию и всею душею къ Богу въскланяся и на того все упование възложь [...]

5) И егда **ти** умьру, ты же погребеши тѣло мое, ти тѣгда възвратишися въ пещеру сию, якоже хоцещи.

Прежде всего, стоит отметить, что так же, как и в случае с союзом «**ти**», частица в найденных нами примерах употребляется в сочетании либо с другими служебными частями речи, либо с местоименными словами: местоимение-прилагательное в примерах 1 и 2 («**сицева**»), местоимение-наречие в примере 3 и 4 («**тако**»), союз в примере 5 («**егда**»).

При этом частица «**ти**» квалифицируется именно как частица, в первую очередь, благодаря синтаксической позиции, особенно в сочетаниях «**тако ти**» и «**егда ти**», для которых есть аналогичные сочетания с союзом: «**ти тако**» и «**ти тѣгда**».

Чтобы понять, в каком значении употребляется частица «**ти**», обратимся к данным Словаря русского языка XI-XVII вв. В Словаре частица помещается с пометой *усилительная* в значении «**же**», «**ведь**». Именно об усилительном значении как основном для частицы пишет А.А. Зализняк, анализируя древненовгородские берестяные грамоты. Действительно, в приведенных примерах это значение бесспорно, однако заметим, что перевод данных предложений при помощи частиц «**ведь**», «**же**» кажется затруднительным:

*Сицева **ти** бѣ блаженаго отьця нашего Феодосия молитва еже къ Богу...* – *‘Такая же была молитва к Богу блаженного отца нашего

Феодосия...’, *‘Ведь такая была молитва к Богу блаженного отца нашего Феодосия...’

Перевод с «же» вряд ли можно считать удачным еще в силу того, что употребление «же» после местоимений или местоименных наречий в современном русском языке используется «для подчеркивания одинаковости, сходства или неизменности, постоянства чего-л.»⁷¹.

Наиболее адекватной для передачи смысла фразы кажется нам частица «*вот*», которую в современном русском языке исследователи относят к указательным частицам, однако тоже указывают возможность иметь усилительный оттенок. Значение 3 в словарной статье МАС: «Употребляется с указательными и относительными местоимениями, а также с наречиями места, времени, причины и т. п. для уточнения и усиления их значения»⁷².

Сицева ти бѣ блаженаго отця нашего Феодосия молитва еже къ Богу... – ‘Вот такая была молитва к Богу блаженного отца нашего Феодосия...’

Однако, такой перевод будет скорее подстрочным, необходимым для сохранения при передаче всех слов. В литературном переводе, представленном О.В. Твороговым, перевод частицы зачастую опускается: «*Такова молитва к Богу блаженного отца нашего Феодосия о стаде своем и о месте том...*». Что согласуется с обобщенным тезисом о непереводаемости частиц, сформулированным Т.М. Николаевой⁷³.

⁷¹Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

⁷²Там же.

⁷³ Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985. С. 10.

Что касается синтаксической позиции частицы, во всех найденных контекстах она употребляется согласно закону Вакернагеля, примыкая к первому акцентно самостоятельному слову в новой тактовой группе.

1.4. Указательное местоимение «*тъ/тотъ*»

Формы «*ти*», которые являлись бы Им. мн. м. р. указательного местоимения «*тъ/тотъ*» в тексте не обнаружены.

Спорные случаи

Приведем один контекст, в котором мы затрудняемся определить грамматический статус «*ти*»:

*Егда бо услышааше кого молитву творяща, ти тѣгда, ставъ, прославяше о немъ Бога, егда же пакы кого слышааше бесѣдующа дѣва ли или трие съшедъшеся въкупѣ, то же ту, ударивъ своею рукою въ дѣври **ти**, тако отхожааше, назнаменавъ тѣмъ свой приходъ.*

Употребление слова «*ти*» здесь по смыслу схоже с указательным местоимением, однако в другом случае указательное местоимение ж. р. в Вин. мн. встречается в закономерной форме «*ты*»:

*Таче поведѣ единому от братиѣ събѣрати въ кошъ укрухы **ты** и, несъше, посрѣдѣ рѣкы въсыпати ѣ...*

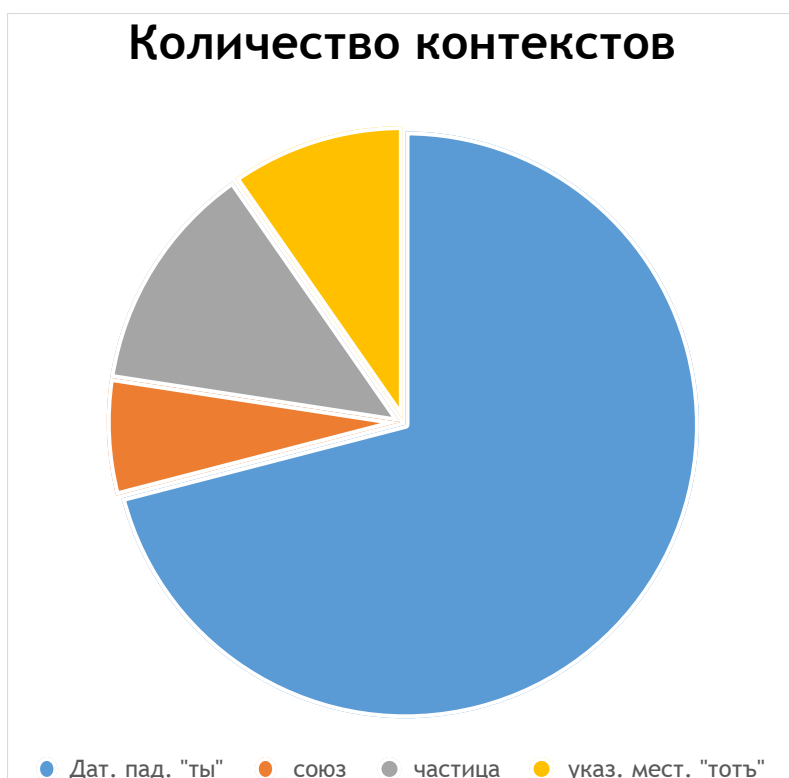
Закономерная же форма двойственного числа – «*тѣ*», нами в тексте найдена не была. Скажем лишь, что в сочетании «*въ дѣври ти*» употребление «*ти*» кажется нам схожим с употреблением постпозитивной частицы в говорах, однако же ни одного подобного примера в тексте больше нет.

Итак, в тексте Жития Феодосия Печерского представлены омонимы «*ти*» для Дат. пад. «*ты*», союза и частицы; нет примеров для формы указательного местоимения «*тъ/тотъ*». Самые распространенные случаи употребления – Дат. пад. «*ты*» и союз. При этом выделение Дат. пад. «*ты*» не вызывает серьезных затруднений. Союз же «*ти*» в тексте проявляет

некоторые особенности значений, связанные с употреблением его в сочетании с местоимениями и местоименными наречиями. Частица «*ти*» насчитывает всего 5 употреблений и обнаруживает пересекающиеся оттенки значения с союзом.

2. *Новгородская 1 летопись по Синодальному списку*

Представим в виде диаграммы, каким образом распределяются контексты для каждого из омонимов «*ти*»:

Количественные показатели для контекстов в житии Феодосия Печерского таковы:

- для Дат. пад. местоимения «*ты*» – 22;
- для союза «*ти*» – 2;
- для частицы «*ти*» – 4;
- для Им. мн. м. р. указательного местоимения «*ть/тоть*» – 3.

Отметим различия уже в количественных данных между Житием Феодосия Печерского и Новгородской 1 летописью. В обоих памятниках многочисленны примеры для Дат. пад. «*ты*». Обнаружено одинаковое количество однозначных употреблений частицы «*ти*» – 5, однако, учитывая объем памятника, для летописи оно совсем невелико. Резко расходятся данные по союзу: если в житии 23 примера употребления, то в летописи только 2. В отличие от Жития Феодосия, в летописи встретились употребления «*ти*» как мн. ч. указательного местоимения «*ть/тоть*».

2.1. Дательный падеж местоимения «ты»

В летописи встречаются разнообразные группы значений Дательного падежа. Рассмотрим их.

В летописи, в отличие от Жития Феодосия, мы встречаем Дательный притяжательный, в отрывках, отсылающем к Сказанию о Борисе и Глебе, повторяющийся в разных контекстах (приводим частичный перевод фразы, содержащей энклитику):

- 1) *Борису же возвратившюся с вои и не обрѣтишю Печенѣгъ, вѣсть прииде к нему, яко отецъ **ти** умерлъ...* (с. 76) – ‘отец твой умер’

- 2) *В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передславы о отни смерти; и посла Ярославъ къ Глебу, глаголя: «отець **ти** умерлъ, а братъ **ти** убиенъ отъ Святополка»* (с. 80) – ‘отец твой умер, а брат твой убит Святополком’

- 3) *И въ ту же ноць ис Кыева сестра Ярославля Предслава присла къ нему вѣсть, рекъши: «отець **ти** умерлъ, а братья **ти** избиена»* (с. 82) – ‘отец твой умер, а братья твои убиты’

Представлен в тексте и Дательный субъекта состояния:

- 1) *Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: «то кдѣ крещеніе приимемъ»? Они же рѣша: «гдѣ **ти** любо»* (с. 54) – ‘где тебе нравится’

- 2) *Они же рѣша ему: «то поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а на милованіе добрымъ; достоить **ти** казнити разбойника, нъ съ испытаниемъ»* (с. 74) – ‘надлежит тебе казнить разбойника...’
- 3) *Того же лѣта иде Антонъ архепископъ Новгородъскій на Тържъкъ; Новгородці же въведоша архепископа Митрофана въ дворъ опять на столъ, а къ Онтонию послаша: «пойди, кде **ти** любо»* (по спискам: К – гдЕ ти, АГ – кудЕ тебЕ) (с. 211) – ‘пойди, куда тебе нравится’.

Среди употреблений Дательного при переходных глаголах отмечаем такие:

- Дательный предоставления

- 1) *И отвещавши же Олга и рече къ Соломѣру: «аще ты сице глаголеши отъ Чемьскаго царя, рци ему: «такъ пришедши постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ к тебе въ Съсуду стоявши, то тогда **ти** дамъ»* (с. 15) – ‘...то тогда тебе дам’
- 2) *...и благослови [Феодосій] Стефана, и рече ему: «чадо! се предаю **ти** манастирь...* (с. 116) – ‘вот передаю тебе монастырь’
- 3) *Сѣдящим же имъ у него, рече ему Феодосій: «се отхожю свѣта сего; се предаю **ти** манастирь на соблюдение, еда будетъ что смятеніе в немъ; и се поручаю игуменьство Стефану, и не дай его въ обиду»* (с. 117) – ‘вот передаю тебе монастырь на сохранение’

- Дательный адресата причинения

- 1) *И посла предъ ними послы, глаголя сице къ царю: «се идутъ к тобѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, дажь пакы не створять **ти** зла въ градѣ, якоже здѣ створиша; нь растоуѣ ихъ розно, а сѣмо не пуцай ни одинаго» (с. 29) – ‘чтобы вновь не сотворили зла в городе’*
- 2) *Посемъ же, мѣсяца июля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ ѡблваша крестъ честный ко Всеславу, рекше ему: «прииди к намъ, яко не створимъ **ти** зла» (с. 97) – ‘приди к нам, не сделаем тебе (ничего) плохого’.*

- Дательный адресата сообщения

- 1) *Отвещавъ же, рече философъ: «аще хочещи послушати, да скажю **ти** изначала, что ради сниде Богъ на землю» (с. 37) – ‘если хочешь послушать, я расскажу тебе сначала, зачем пришел Богъ на землю’.*
- 2) *Посемъ же приидоша Нѣмци из Рима, глаголюще, яко «приидохомъ послании отъ папежа; рекль **ти** тако: замля твоя яко земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша... (с. 34) – ‘сказал тебе так: земля твоя – как наша земля, а вера ваша – не как наша вера...’*

Нам встретились всего два примера употребления Дательного адресата сообщения – сравни со значительной представленностью этой группы значений в Житии Феодосия Печерского.

При непереходных глаголах нами обнаружено употребление:

- Дательного пользы:

*Буди [имъ] (из КАТ), Господи Боже милостивый чловѣколюбче, въ ономъ вѣцѣ стати со всѣми [святыми] (из КАТ) угодившими **ти** от вѣка, іже кровь свою проляша за святую Софью, животъ свой отдавши честно!* (с. 290) – ‘Да встанут они... со всеми святыми, угодившими тебе от начала времен...’.

- Дательного объекта психического движения:

«брате! судить ти Богъ и святая Софія, аще еси подумалъ на кровь братъи своей; и станеши с нами предъ Богомъ, и отвѣщаеши за кровь нашу» (с. 167) – ‘судить тебя будет Богъ и святая Софія...’ ср. «Бог тебе судья».

Также встречаются единичные употребления Дательного при глаголе «*быти*» в значении лица, которому нечто предоставляется:

*Она же рекоста: «аще наю пустиши, много **ти** добра будетъ; аще ли нас не пустиши, многу печаль приимеши и зло»* (с. 108) – ‘если нас отпустишь, много добра тебе будет’.

И для возвратного глагола «*кланяться*»:

1) *«сыну! кланяю **ти** ся; мужъ мой и гость пусти, а самъ съ Торожъку поиди, а съ мною любвь възми»* (с. 199) – ‘Сын! Кланяюсь тебе/ прошу тебя...’.

- 2) «кланяемъ **ти** ся; нѣту ны съ тобою обиды, съ Ярославомъ ны обида» (с. 202) – ‘кланяемся тебе...’.

В летописи мы встречаем примеры употребления «*ти*», которые можно считать спорным для интерпретации:

*Святославъ же и Всеволодъ посласта къ Изяславу, глаголюща: «Всеславъ **ти** бѣжалъ; а ты не води Ляховъ къ Кыеву, противна **ти** нѣту. Аще ли хоцещи гнѣвъ имѣти погубити градъ: то вѣси, яко намъ жаль **ти** (в АТ нет – «*ти*») есть отня стола»* (с. 103) – ‘Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: «Всеслав бежал; а ты не води ляхов на Киев, против тебя нет [киевлян]. Если же ты с гневом намереваешься погубить город, то знай, что нам жаль отеческий престол [или: престольный город, Киев]’

По нашему мнению, из трех случаев употребления «*ти*» в данном отрывке лишь один, второй («*противна ти нѣту*») можно интерпретировать как Дат. пад. местоимения «*ты*». Другие же два случая можно отнести к *Dativus ethicus*. В отрывке «*Всеславъ **ти** бѣжалъ*» мы не можем предположить ни одно из значений, возможных в древнерусском для Дат. пад.: Всеслав, исходя из смысла погодной записи, сбежал не «к Изяславу», не является это и притяжательным значением местоимения ‘твой’: обращаются друг к другу братья и говорят о другом брате, нет повода для такого определения. Этот пример кажется нам схожим с образцовым примером для *Dativus ethicus* «*Володимеръ ти идет на тя*». Приведем еще два неоднозначных, на наш взгляд, контекста:

*Потомъ рече Савка князю Югорьскому: «аще, княже, не убиешъ еще Яковца Прокишница, а живого пустиши в Новъгородъ: то тому **ти**, княже, опять привести вои сѣмо, и землю твою пусту сътворитъ* (с. 167) – ‘Потом сказал Савка князю Югорьскому: «Если, князь, не убьешь Яковца

Прокшинича, а живого отпустишь в Новгород, то, князь, опять приведет воинов сюда и землю твой опустошит’

Нъ, Господи! слава тебе, царю небесный, извольшию ти тако! нъ покой его съ всеми правьдъными! (с. 242) – ‘Но, Господи! Слава тебе, царь небесный, изволившему так! Но упокой его со всеми праведными’

Сложность в понимании данных отрывков состоит в том, что форма Дат. пад. употреблена в диалогической речи, здесь естественна связь со вторым лицом и она так или иначе ощущается в «*ти*». Однако прямого значения «*тебе, к тебе, твой*» здесь нет. Поэтому для таких случаев мы и предполагаем употребление *Dativus ethicus* – формы, которая имеет связь с Дат. пад., однако употребляется в значении обособленном, указывающем на важность информации для лица, к которому обращаются с речью. То есть в данной форме мы видим совмещение указательной функции местоимения и функции выделения, подчеркивания актуальности высказывания, относящейся ко всей фразе. Как нам кажется, *Dativus ethicus* здесь является иллюстрацией еще одного «перехода», совмещения значений, свойственного для частиц. Это подтверждается и тем, что, как мы указывали в I Главе, исследователи могут относить употребления *Dativus ethicus* либо к одному из значений Дательного, либо к частицам.

2.2. Союз «*ти*»

Как мы уже отмечали, количество омонимов «*ти*», которые являются союзом, в тексте летописи встречаются крайне редко – мы имеем всего 2 примера. Приведем их:

- 1) *...вбѣгоша въ святую Богородицю і затворишася въ полатѣ; поганиі же отбивше двѣри, зажгоша [святую] церковь, наволочивше лѣса, і іздувшиша вея: **ти** тако скончашася, предавши душа своя Господеви...* (с. 249)

2) *Тогда пакы и Федора начаша мучити, якоже прежде и Михаила; послѣди же честную главу урѣзаша. **Т**и тако благодаряща Господа пострада за Христа и прѣдаста святѣи свои души Господеви в руцѣ Божии, новосвятая мученика.* (с. 269)

В обоих случаях он употреблен в уже известном нам по Житию Феодосия Печерского сочетании «*ти тако*». В обоих контекстах «*ти*» имеет соединительное значение, может пониматься как ‘и так, и вот так’.

2.3. Частица «*ти*»

Случаи употребления частицы «*ти*» в летописи также немногочисленны – всего 3. Отметим, что спорные случаи *Dativus ethicus*, указанные нами в разделе о Дат. пад. «*ты*», мы не относим в раздел частиц.

- 1) *<...> а переди гривна, или ся пригодѣ в говѣніе рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзань: то всѣхъ кунь 15 на недѣлю; в борошна колко могутъ иясти, донделиже виру сберутъ вирници. То **ти** урокъ Ярославль. А сей урок мостникомъ . . .* (с. 88) – ‘Это же налог Ярослава’
- 2) *И рче има Янь: «что вамъ бозѣ молвятъ»? Она же повѣдаста: «сице намъ молвятъ: не быти намъ живымъ отъ тебе». И рече има Янь: «то **ти** право повѣдаютъ»* (с. 108) – ‘И сказал им [двоим] Ян: то верно говорят’
- 3) *Якоже и есть: грѣшницѣ въ адѣ суть, ждуще муки вѣчной, а праведницѣ въ небесномъ жилищи въдворяются съ ангелы. Сица **ти** есть бѣсовская сила и лѣпота и немощь; ...* (с. 109) – ‘Такова бесовская сила и достоинство и немощь’

4) *Того ради всемилостивый Богъ хотя погубити безбожныя сыны Измаиловы Куманы, яко да отмъстятъ кровь крестьяньску, еже и бысть над ними беззаконными: проидоша бо **ти** Таурмени всю страну Куманьску... (с. 216) – ‘ибо прошли Таурмены всю землю Куманскую’*

Частица в этих примерах употребляется в сочетании с местоименным наречем («*так*») и местоименным прилагательным («*сице*»), имея усилительное значение. Частица встречается как в диалогической, так и в монологической речи, однако в силу малого количества примеров, мы не можем говорить о какой-либо тенденции.

2.4. Указательное местоимение «*тѣ/тотѣ*» в Им. пад. мн. ч.

В летописи мы встречаем еще один омоним «*ти*», который отсутствует в Житии Феодосия Печерского – Им. мн. указательного местоимения «*тѣ/тотѣ*»:

1) *...и побѣдиша я Божию помощю, овы исѣкоша, а инья изимаша: пришли бо бяху въ полушестадѣсятъ шнекъ, измаша 43 шнѣкъ; а мало ихъ убежаща, и **ти** ѣзвѣни. (с. 145)*

2) *...нѣ сде въписахомъ о нихъ памяти ради Рускихъ князь и бѣды, яже бысть отъ нихъ имѣ: слышахомъ бо, яко много страны поплѣниша, Ясы, Обезы, Касогы, и Половчѣ безбожьныхъ множьство избиша, а инѣхъ загнаша и тако измроша увиваеми гнѣвомъ Божиимъ и пречистыя его матере; много бо зла створиша **ти** оканьнии Половчи Русьской земли. (с. 215 – 216)*

- 3) ...а самого хотѣша повѣсити, нъ ускоци къ Ярославу, а жену его яша, рекуче, яко «**ти** на зло князя водять»... (с. 228)

Таким образом, в Новгородской 1 летописи оказываются представлены все возможные омонимы «*ти*», однако количество примеров сравнительно невелико.

3. *Древненовгородские берестяные грамоты*

В нашем исследовании материал древненовгородских берестяных грамот используется для сопоставления с данными Жития Феодосия Печерского и Новгородской 1 летописи. Анализ языка грамот, их перевод и словоуказатель к ним представлены в работе А.А. Зализняка «Древненовгородский диалект». Наблюдения Зализняка над употреблением в грамотах частицы «*ти*» уже были изложены нами в Главе I.

Приведем несколько примеров из грамот, иллюстрирующих употребление частицы и энклитического Дательного. В первую очередь, рассмотрим случаи, где возможна надежная интерпретация «*ти*» как только одной из частей речи.

1) Энклитический Дательный

(поклана)ние и къ братѣ а водае и бога дѣла съ 5 гривь(нѣ) ... [к]ланяю ти сѣ а естъ мѣжъ съ нимъ а хоцѣ про... ...дѣль ти есмь въ погрѣбѣ идоу къ свѣтымъ и вода...

Перевод (с конъектурами разной степени надежности): *‘[От ... к ...] поклон и к брату. Дай, хотя бы и Бога ради (т. е. хотя бы как милостыню), гривен пять [и пришли сюда (?)], прошу тебя, а если есть человек, то с ним. А я хочу [продать (?)] ...? После разрыва: ‘Я обеднел (?), [пока сидел] в темнице. [Теперь] иду к святым (т. е. в паломничество). Дай [же мне] также ...?’*

Здесь мы видим формулу речи «*клянѧю ти са*», которая встречалась нам и в Житии Феодосия Печерского, и в Новгородской 1 летописи.

2) Частица

*цто было в пудогѧ прѧзда ту прѧзку сѣргѧѣ взале изо олтѣ закрою с проста а быле о русалѣяхѧ в пудогѣ а цто про самозерцы хедыле семо не платѧце а платѧце в томо цто про межѧ раду нѣту а ныне самезерцы в городѣ говорѣ с нѣми самѧ а ас **ти** осподине буду а а борзо буду а нине есеме к тобѣ рѧбоко послале (оборотная сторона) а во шуѣ ни лидѧѣ ни лову*

Перевод: *Сколько было в Пудогѧ прѧзги, ту прѧзгу взял Сергей — просто ранней семгой (букв.: ранней семги) из Ояти. А я был в Пудогѧ на русальной неделе. А что касается сямозерцев, то я ходил [к ним], так как они [в настоящий момент] не платѧт, а [вообще] платѧт (= обязаны платить) потому, что нет договора о границах [угодий]. А тепѣрь сямозерцы в городе (т. е. в Новгороде), говори с ними сам. Я же, господин, буду, я скоро буду. Я тут тебе рыбки (букв.: рыбок) послал. А в Шуѧ ни людей (?), ни лова*

Употребление частицы здесь также достаточно характерно: она является усилительной и стоит при подлежащем (действующее лицо и автор письма – «я») после противопоставления: «*а ас **ти** осподине буду а а борзо буду*».

Однако обратившись к словоуказателю к грамотам, мы увидим, что до трети случаев употребления «*ти*» как частицы и «*ти*» как энклитического Дательного падежа местоимения являются спорными. Одной из очевидных причин тому является неполный или поврежденный текст грамоты, который

не дает достаточного контекста для интерпретации. Такие случаи в нашей работе мы не учитывать не будем.

Если же перед нами законченный текст и возможна надежная интерпретация, спорные случаи, по-видимому, обусловлены особенностью коммуникативной организации грамоты: все письмо фактически является обращением к конкретному второму лицу, причем «участники берестяной переписки являются одновременно и главными фигурантами отраженных ею ситуаций»⁷⁴. С другой стороны, частицы, которые «не называют адресата (как, например, личные местоимения ты и вы или различного рода обращения), но ориентированы на него, так как осуществляют отсылку к фонду знаний получателя»⁷⁵. Поэтому в тексте создаются условия для употребления омонимов «*ти*» в сходных позициях. Например:

*отъ к[ы]-еѧ поклонѧние ко ростили добоуди ми конѧ се[л]ема велика добра али **ти** не пригодитьсѧ [с]е[ле]ма добра а поло*

Перевод: *От Кирея (?) поклон Ростиле. Добудь мне коня, такого большого, хорошего. Если же тебе не попадетсѧ такого хорошего, то половину*

Обращение на «*ты*», с одной стороны, и подчеркнутое противопоставление при союзе (характерное несвободное употребление частиц, о котором мы говорили в Главе I), с другой, дают возможность интерпретировать это «*ти*» и как частицу, и как энклитический Дательный. Синтаксическая позиция в данном случае ничего не говорит о характере энклитики: она может быть энклитикой и 4, и 6 ранга. Однако А.А. Зализняк относит этот пример в словоуказатель «*ти*» как частицы с пометкой «возм. ‘тебе’».

⁷⁴Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997 – 2000). Том XI. М., 2004. С. 184.

⁷⁵Щербань Г.Е. Функционирование частиц в конструкциях экспрессивного синтаксиса. Автореф. дисс. д-ра филол. наук. Нальчик, 2002. С. 31.

Приведем и обратный пример. Одно из слов «*ти*» (выделенное в тексте) отнесено к статье на энклитический Дательный «ты» с пометкой «возм. част.»:

*покланание отъ анокѣ со сълатою ко аринѣ хоцьтъ ти твоего дѣтати
ць о (свто) жь тѣ еѣ хо{ц}ць ажь хоцьши во брозѣ жь седь бжди и ала есмо
са емж по ржкж ако ты си мловила емж ты дни придъши томо дни поимж и
нѣ ли **ти** тамо повоица а крьвоши присоли а кодъ ти мнѣ хльбъ тж и тобѣ*

Перевод: *Поклон от Янки с Селятой Ярине. Хочет-таки детище твоего (т. е. того, что ты имеешь, что ты предлагаешь). К празднику её хочет. Пожалуйста, срочно будь здесь. А я обещала ему свое согласие [на то, чтобы было], как ты сказала ему давеча: «Придешь — в тот же день сосватаю». А если у тебя там нет повойничка, то купи и пришли. А где мне хлеб, там и тебе.*

В переводе Зализняка «*ти*» с большей вероятностью обозначает в безличном предложении обладателя предмета; но остается возможным и понимание его как частицы.

Как нам кажется, однозначное решение в таких спорных случаях невозможно. Отметим, что это контексты касаются разграничения именно «*ти*» как частицы и «*ти*» как энклитики Дательного падежа.

Скажем и о других особенностях употребления слова «*ти*» в берестяных грамотах.

Во-первых, очень характерно соединение частицы «*ти*» с союзами и местоимениями: *оже ти, али ти, ачи ти, ци ти, кодъ ти, то ти, како ти*. Это составляет особенность всех исследуемых нами текстов.

Во-вторых, частица «*ти*» частотна для этого типа памятников и по грамотам, проанализированным А.А. Зализняком на 2004 год, составляет около сотни употреблений. Около 60 употреблений приходится на энклитический Дательный. Однако наличие спорных контекстов не позволяет назвать окончательную цифру. Значительно меньшее количество употреблений у союза «*ти*»: всего 6 самостоятельных употреблений, а также в составе других союзов: *то ти, дати, дати бы* (всего около 25).

Таким образом, частотность частицы «*ти*» гораздо выше для берестяных грамот, что естественно, учитывая их коммуникативную природу и близость к разговорной речи.

Итак, проанализированный нами материал показывает разнообразные случаи «переходных» значений между словами, традиционно относимыми к разным частям речи: местоимению, частице или союзу. Это свойственно всем исследованным нами памятникам и является особенностью языка вообще. Однако интерпретация таких случаев может быть более или менее сложна в зависимости от типа памятника, от синтаксической позиции слова. Кроме того, в памятниках разных типов отличается частотность употребления того или иного омонима «*ти*».

Заключение

В нашем исследовании был рассмотрен вопрос омонимии слова «*ти*», которое в древнерусском языке может быть частицей, союзом, местоимением «*ты*» в Дательном падеже или Им. пад. мн. ч. указательного местоимения «*тъ/тотъ*».

В Главе I, охарактеризовав интересующие нас грамматические категории, мы увидели, что все указанные нами части речи – частица, союз, местоимение – играют особую роль в построении высказывания и в его актуализации. Все они не имеют собственно лексического значения: местоимение представляет собой средство дейксиса, неразрывно связанное с конкретным высказыванием «здесь и сейчас», и в этом смысле значение его грамматично; союз является средством грамматической связи слов и предложений; частица может как формировать грамматические категории и

выражать грамматические отношения (формообразующие), так и быть средством субъективно-модальной оценки в высказывании.

Другое важнейшее наблюдение касается исследования особенностей значения и функционирования частиц. Оно состоит в специфике положения частиц среди служебных частей речи – частицы служат выражению не только грамматических значений, но и значений на уровне коммуникации, выражают отношение говорящего к содержанию высказывания, к собеседнику. Список частиц очень размыт; он пополняется из разных частей речи; также частицы тяготеют к образованию комплексов. Все это способствует тому, что в языке существует множество случаев «перехода» между различными грамматическими классами и частицами. В особенности это касается частиц и союзов, которые, совпадая по форме, порой объединяют в себе функцию грамматической связи между словами или предложениями и функцию выражения субъективно-модальных установок говорящего.

Как показал анализ материала, такой проблемой «переходной» зоны и является проблема разграничения омонимов «*ти*» в древнерусских текстах.

Мы находим наличие спорных контекстов между Дат. пад. местоимения «*ты*» и частицей «*ти*». Такими контекстами являются случаи употребления *Dativus ethicus*, которые встречаются нам в Новгородской I летописи и в древненовгородских берестяных грамотах. В научной литературе нет единого мнения, как квалифицировать такие случаи – как специфическое значение Дательного или как частицу. Значение Дательного заинтересованного лица сохранилось и в современном русском, так что эта проблема остается актуальна на протяжении всей истории развития русского языка.

Другой случай совмещения значений разных частей речи мы выявили в употреблении частиц и союзов «*ти*». Синтаксическая позиция энклитики и проклитики не смешиваются и позволяют формально разграничить их в предложении. Однако в случае употребления частицы или союза в комплексах типа «*ти тако*» или «*такo ти, eгда ти*» мы обнаруживаем и

грамматическую функцию связи частей предложения или предложений в тексте и усилительное, выделительное значение, свойственное частице. Такие контексты встречаются нам во всех рассмотренных памятниках.

Омоним «*ти*», являющийся указательным местоимением, встретился нам в Новгородской I летописи трижды; трудностей для интерпретации эти контексты не вызывают. Смещения значений с другими омонимами, исходя из анализа А.А. Зализняка, не возникает и в берестяных грамотах.

Как нам кажется, изучение таких «переходных», «гибридных» явлений омонимии в языке имеет перспективу изучения как в сугубо теоретическом – анализ коммуникативной организации древнего текста, прояснение происхождения тех или иных языковых единиц и явлений, так и в практическом плане, так как позволяет с большей точностью анализировать, интерпретировать и переводить древнерусские тексты.

Список источников

Асс – Ассеманово евангелие. Изд. Fr. Rački, Assemanov ili Vatikanski evangelistar, Загреб, 1865 (глаголица). I. Črnčić, Assemanovo izborna evangjelje, Рим, 1878. (латиница).

Б. и Г., Б. и Гл. – Сказание и страсть и похвала святою мученику Борису и Глеба. Успенский сборник XII века. – «Чтения Московского общества истории и древностей российских» (МОИДР) за 1899 г., кн. 2. М., 1889.

Верт. – «Книга, глаголемая прохладный вертоград». – В кн.: В. М. Флоринский. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII ст. Казань, 1880.

Гр. Б. – грамоты берестяные

Дог. – «Духовные и договорные грамоты московских великих и удельных князей XIV – XVI вв.». М. – Л. Изд-во АН СССР, 1950.

Д. п. Н. – «Дело о патриархе Никоне». Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897.

ЕвМст – Евангелие Мстиславова

ЖФП – Житие Феодосия Печерского

Зад. – Слово Софония Рязанца о Куликовской битве. (Задонщина). – «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина». Кафедра русской литературы, т. XLIII. М., 1947.

Зогр – Зографское четвероевангелие. Изд. V. Jagić, Quattor evangeliorum codex glagoliticus... Zographensis, Берлин, 1879.

Ип – Ипатьевская летопись. – «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), II. СПб., 1891.

К.-П. пат. – Патерик Киево-Печерского монастыря. – «Памятники старинной русской литературы». Изд. Г. Кушелев-Безбородко, Вып. I. СПб., 1860.

Ком сп. НІ, Ком. сп. Новг. I лет. – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. [Использована Новгородская первая летопись младшего извода. Комиссионный список]. М. – Л. Изд-во АН СССР, 1950.

Кур. – Сочинения кн. Курбского, I. – РИБ, XXXI. СПб., 1914. [Использованы: История о великом князе Московском (Ист). На вторую эпистолию отвещание цареви Московскому (Отв.). Эпистолия первая князя Андрея Курбского (Эп. I)].

Лавр – «Лаврентьевская летопись». – ПСРЛ, I, вып. 1. Л., 1926; вып. 2. Л., 1927.

Мар – И.В. Ягич. Мариинское четвероевангелие евангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.

Мат – Евангелие от Матфея

Н. бер. гр. – В.А. Арциховский и М.Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., Изд-во АН СССР, 1950.

Н1 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Синодальный список. М. – Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Пов. Иер. – Повесть града Иерусалима. – «Летописи русской литературы и древности». Изд. Н. Тихонравов. П. М., 1895.

Посл. двор. – Послание дворянина к дворянину. В статье: В.П. Адрианова-Перетц. Повести XVII в. и устное народное творчество. – «Тр. Отдела др.-русск. Лит-ры Ин-та русск. Лит-ры АН СССР», IX. М., 1953.

Поуч. Мон. – Поучение Владимира Мономаха

Сав. кн. – Саввина книга. Изд. В.Н. Щепкин, Саввина книга, СПб., 1903 (со словарем).

СБГ – Сказание о Борисе и Глебе

Сл. Д. З. – Слово Даниила Заточника. Предисловие и примечания И.А. Шляпкина. – «Памятники древней письменности», вып. 81. СПб., 1889.

Стогл. – Стоглав. – «Царские вопросы и соборные ответы». М., 1890.

Чер. – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI вв. Подготовил к печати Л.В. Черепнин, ч. 1. М., 1951.

Список сокращений

Вин. пад. – Винительный падеж

Дат. пад. – Дательный падеж

Им. пад. – Именительный падеж

мн. ч. – множественное число

м.р. – мужской род

Список литературы

1. Алексеев А.А. Dativus ethicus в «Слове о полку Игореве». / А.А. Алексеев. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб, 2013. С. 207 – 214.

2. Анисимова Д.А. Житие Феодосия Печерского (проблема нормы). Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2016. URL: <https://old.mgpru.ru/materials/53/53398.pdf>
3. Апресян, Ю. Д. Основания системной лексикографии [Текст] / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
4. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. / под ред., с вступительной статьей и комментарием Ю.С. Степанова. М., 1974.
6. Богданов С.И. Морфология неполнозначных слов в современном русском языке. Учебное пособие. СПб, 1997.
7. Богданов С.И., Евтюхин В.Б., Князев Ю.П., Смирнов Ю.Б., Рыжова Ю.В., Воейкова М.Д. Морфология современного русского языка. Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2013.
8. Борисова, Е. Г. Семантический анализ усилительных частиц русского языка. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1983.
9. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.
10. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
11. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М., 1999.
12. Виноградов, В. В. Избранные труды / В. В. Виноградов. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

13. Власова Е.А. Способы передачи чужой речи в русских летописях XII – XVI вв. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2014.
14. Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 7(17). СПб., 1999. С. 18—47. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2015/12/Gimon_T_V_17.pdf
15. Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997 – 2000). Том XI. М., 2004. С. 184 – 232.
16. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учебное пособие для ун-тов. М., 1981.
17. Демьянов В.Г. О явлениях имперфекта, дифференцирующих древнерусские тексты по происхождению. // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/lingistoch/1974/04-demjanov.pdf>
18. Древнерусская грамматика XII-XIII вв. / В.В. Иванов, С.И. Иорданиди, Л.В. Вялкина и др. Отв. ред. В.В. Иванов. М., 1995.
19. Еремин И.П. Литература Древней Руси. М., 1966
20. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996
21. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
22. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
23. Иванова Е.Ю. О претендентах на роль *dativus ethicus* в болгарском языке // XX Державинские чтения. Современные проблемы болгаристики и славистики. СПб: СПбГУ, 2015. С. 31 – 37.
24. Иванова Е.Ю., Петрова Г.М. Кластеризация местоименных клитик в форме датива: допуски и ограничения в современном болгарском

- языке (с македонскими и сербскими параллелями) // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции. Под редакцией Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2014. С. 58 – 75.
25. История русской литературы X - XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1985.
26. Карский Е.Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962.
27. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 2009.
28. Кустова Г.И. Дателный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.
29. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
30. Марусенко, Н.М. Специфика семантики служебных единиц. Прагматические функции частиц в высказывании. Автореферат дисс. канд филол. наук. СПб., 1997.
31. Мразек Р. Дателный падеж в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка / под. ред. И. Курца. Прага, 1963. С. 225 – 262.
32. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985.
33. Обнорский С.П. Избранные труды по русскому языку. М., 1960.
34. Ошанова Е.С. Роль модальных частиц в формировании когнитивной базы и коммуникативно-прагматической перспективы высказывания. Дисс. канд. филол. наук. М., 2017.

35. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М, 2010.
36. Пешковский А.М. «Русский синтаксис в научном освещении». М., 2001.
37. Плунгян В.А. Общая морфология. М., 2003.
38. Правдин А.Б. Дателный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Уч. зап. Института славяноведения. Том XIII. М., 1956. С. 3 – 120.
39. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Союзы и частицы в парадигматическом и синтагматическом аспектах // Гуманитарные исследования в восточной сибире и на дальнем востоке. №2. Владивосток, 2012. С. 20 – 24.
40. Синтаксис современного русского языка [Электронный ресурс]: курс лекций / Г.И. Кустова. – М., 2013.
41. Стародумова, Е.А. Русские частицы (письменная монологическая речь). Автореф. дисс. докт. филол. наук. — М., 1996.
42. Стародумова Е.А. Русские частицы: Учебное пособие. – Владивосток, 1997.
43. Филимонова Е.Ю. Дателный этический в русском языке // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб., 2014.
44. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. Учебное пособие для студентов пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература». М., 1974.
45. Ходова К.И. Система падежей старославянского языка. Москва, 1963.

46. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001.
47. Шведова, Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
48. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
49. Щербань Г.Е. Функционирование частиц в конструкциях экспрессивного синтаксиса. Автореф. дисс. д-ра филол. наук. Нальчик, 2002.
50. Ягич И.В. Отчет о присуждении Ломоносовской премии за 1883 год с приложением, составленный И. В. Ягичем. С тремя литограф. таблицами // Сборник ОРЯС ИАН. 1884. Т. 33. № 2.

Справочная литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М., 2004.
2. Русская грамматика. Т. 1 / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М., 1980.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981-1984.
4. Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.) / ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М., 1994.
5. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1903.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева. Том IV. М., 1987.

